

Дочки-матери на выживание

Автор:

Юлия Лавряшина

Дочки-матери на выживание

Юлия Александровна Лавряшина

За чужими окнами

Когда дверь подвала захлопнулась за спиной Наташи, она еще не могла поверить в реальность происходящего. Ее заперли, возможно, обрекли на смерть. И это сделала ее собственная дочь. Мать и дочь... Две женщины, разделенные стеной непонимания, две женщины, между которыми встала любовь к одному и тому же мужчине. Самое страшное и беспощадное соперничество – это соперничество между родными по крови людьми.

Юлия Александровна Лавряшина

Дочки-матери на выживание

© Лавряшина Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Сначала Наташа даже не поняла, почему изменилось освещение и что за звук раздался за спиной. Потом, еще не веря себе, обернулась и нервно засмеялась:

- Детка! Что за игры?

Дверь в подвал была закрыта, и Наташа отчетливо расслышала, как в скважине дважды повернулся ключ. Отказываясь поверить в очевидное, она бросилась наверх, толкнула дверь, потом еще раз и еще, забарабанила ладонями, как обезумевший заяц.

- Открой! Ты что? Не надо так шутить!

- Это не шутки, - донесся приглушенный голос дочери. - Я поняла, что иначе тебя не удержать дома. Не спасти. Не заставить подумать над своей жизнью. Над тем, что на самом деле тебе важнее. Пора уже определиться!

- Это что - домашний арест? - Она изо всех сил старалась не выдать страха, от которого противно задрожало под коленями. - И какой ты даешь мне срок?

Аня язвительно откликнулась:

- Хороший вопрос! Только жаль - риторический.

- Что это значит? - Она старалась дышать ровно и глубоко, чтобы не впасть в истерику.

- Прости! Я забыла, что ты не можешь знать слова «риторический»...

- Я знаю это слово! - все же сорвавшись, закричала Наташа. - Почему на него нет ответа? Ты вообще не собираешься меня выпускать? Ты собралась уморить меня здесь?

У нее все сильнее жгло в груди, а босые ноги, напротив, заledenели. Вчера она сделала педикюр, пока парикмахер колдовал над Аней. «Очень вовремя!» - ей вдруг стало смешно, и Наташа расхохоталась в голос.

- Успокойся, - посоветовала Аня через дверь. - Ты сама согласилась, что можно и не страдать, сидя под замком. Помнишь, ты говорила это о зверях в зоопарке? Я тоже буду тебя кормить. И ты быстро привыкнешь к новой реальности! Не впервой же... Тебе там будет не так уж плохо! Ты спустись, посмотри.

– Seriously? – выдавила она сквозь смех. – Ты что, думаешь, меня никто не хватится? Не начнут искать?

После недолгой паузы донеслось:

– Об этом я позабочусь. Ты ведь сама вчера сказала, что я могу проявить деловую хватку!

– Я не представляла, в чем ты собираешься ее проявить...

– Что? Я не слышу, говори громче.

– О чем? О чем нам с тобой говорить?

– Ну, что ты! Как раз сейчас мы и сможем наконец поговорить! А ради чего я все это затеяла? Чтобы ты не ускользнула от меня. Чтобы мы, как в Испании, могли принадлежать только друг другу... Ведь нам же было хорошо там! Ты сама сказала, что тебе было хорошо.

Присев, Наташа произнесла в замочную скважину:

– Детка, мне всегда будет хорошо с тобой. И я принадлежу тебе, где бы ни находилась... Работа – это лишь способ заработать деньги.

– Но ради меня ты не готова отказаться от них!

– От денег? Кто же отказывается от денег? Я слишком долго к ним подбиралась, чтобы вот так взять и...

Аня звонко выкрикнула:

– От меня отказаться гораздо легче! Мы не успели вернуться, а ты уже готова была мчаться к своему золотому Тельцу, и доить его, доить... Ради чего? Дом у тебя уже есть. Машина тоже. Шкафы ломаются. Чего тебе не хватает? Вертолета? Пятой шубы? Чего?

Ответы на вопросы

На крыше даже ветер оказался другим – вольным, смелым, но его солнечное дыхание было мягким, и хотелось впитывать это прикосновение всей кожей, каждой клеточкой, вбирать улыбкой, которая уже виделась такой же искрящейся – лицо чуть запрокинуто, как после минут любви, и выражение его столь же блаженно. Может быть, глуповато, но этого не хочется видеть...

Она прошла по нагретому настилу, едва удерживаясь от желания раскинуть руки, балансируя, как на канате. Не цирковая арена, целый город внизу! В эту минуту у нее возникло ощущение, что он принадлежит ей, и захотелось засмеяться от радости, поймав дуновение московской высоты, будто это была ее собственная вершина, ею покоренная Джомолунгма, цепляющая облака, а вовсе не крыша скучного офисного здания. Пожалуй, она рискнула бы совершить настоящее восхождение, было бы с кем... Как добраться до неба в одиночку?

– Бог ты мой, как здесь хорошо! Сколько воздуха! Вы дышите, дышите, Ирочка, когда еще доведется!

Светлые Наташины волосы забились коротким крылом, просящимся в полет, ворот белой блузки смело распахнулся, и ей почудилось, что шея помолодела, выгнувшись живым парусом. Если бы чьи-то руки могли придержать ее сзади, как в знаменитой сцене из «Титаника», Наташа вся подалась бы навстречу роскошной бездне, что разверзлась у края, захлебнулась бы счастьем, для которого не нужно других причин: вольный ветер в лицо и горячие мужские руки на поясе...

Дочь, ее умная, взрослая дочь, высмеяла бы Наташу, если б узнала, что она не только смотрела, но трижды пересматривала этот фильм. В одиночестве, с пачкой соленых орешков, соленых слез. Подбородок подергивался, когда представляла себя на месте этой красивой, женственной девочки, которую Аня почему-то терпеть не могла. Как и весь фильм... Как и все, что любила мать... Почему? Господи, почему?!

Опомнившись, она повернулась к своей помощнице, стоявшей с блокнотом наперевес:

– Ну, продышались после бумажной пыли?

Девочка работала всего третий день и еще слегка косила от испуга. Наташу даже потянуло по-матерински обнять ее узенькие плечики, подбодрить улыбкой, но предыдущую помощницу она таким отношением уже избаловала – та решила, что может себе позволить распоряжаться вместо нее. Повторения не хотелось. И так уже одним порывом ветра смело все остатки субординации, на которой Наталья и так-то не особенно настаивала. Но ведь садятся на шею, садятся все эти новенькие девочки-мальчики...

С трудом заставила себя заговорить деловым тоном, который зазвучал диссонансом вольному голосу ветра:

– Ирочка, поскольку они хотят провести юбилей своей фирмы прямо на нашей общей с ними крыше...

– А зачем им понадобилась эта крыша? – перебила девочка, боязливо переминаясь на каблучках в трех метрах от края. Ножки тоненькие, как у паучка, кажется, переломятся сейчас. – Чем просто в ресторане плохо?

Наташа выделила ее же слово:

– Просто. Вы сами сказали. А теперь уже никому не интересно отдыхать традиционно, понимаете? Всем хочется необычного, раз уж это праздник! Изумления хочется, сюрприза! А мы должны устроить им этот сюрприз... Как говорится: любой каприз за ваши деньги! – Еще раз пристально оглядев площадку, она принялась рисовать рукой в воздухе: – Здесь мы должны установить светящуюся эмблему их фирмы. Так, чтоб вы знали... Детка, запоминайте и записывайте! Эмблему нужно изготовить из фанеры. У Максима есть все выкладки, он пусть и займется. Только напомните ему! И не один раз... Светящиеся фонтаны – по контуру. Какого цвета? – Она задумалась только на мгновение. – Давайте-ка голубые. Они же водоочистными сооружениями занимаются, это их цвет. Надеюсь, среди них некому обидеться на скрытый намек!

И фыркнула, не удержавшись. Природная смешливость то и дело прорывалась, но Наталья Малаховская давно решила, что на ее работе это не страшно. Все-таки они должны дарить людям радость...

Ей хотелось бы, чтоб повсюду возникли настоящие, струящиеся фонтаны, которые притягивали Наташу, рожденную под знаком Водолея. И вокруг нее постоянно что-то текло, струилось, журчало, одновременно умиротворяя и создавая иллюзию постоянного движения. Даже если она сидела в офисе, на маленьком столике, стоявшем сбоку, исходила прозрачными водными нитями миниатюрная скала с жемчужной часовенкой наверху.

А дома, в спальне, обливалась слезами маленькая Русалочка, привезенная подружкой из Дании. Ее дешевые подобию и здесь продавались в любом магазине, но эта была особенной. В ней чувствовалась утонченность принцессы подводного царства, по неосторожности влюбившейся в того, кто принадлежал другому миру. Не увлажнитель – наперсница. Ведь это было единственное место на Земле, где и Наташа позволяла своей жизнерадостности иссякнуть. И не гнать мысли о том, что ее сын сейчас тоже принадлежит другому миру...

«Не думать об этом!» – Показалось, что мысль о нем, неловко топоча, убегает игрушечным Конгом – коричневой обезьянкой, которую Наташа когда-то связала ему. Тогда муж смеялся, что у Конга на макушке – красная еврейская кипа. С чего бы? А что она сама пыталась изобразить, уже и забылось. Десять лет прошло... С тех пор ни разу не бралась за спицы – некогда! Да и тогда только ради Ленки, которому ни в чем не могла отказать.

Она жестко напомнила себе: «Не думать. Вот здесь, прямо посреди крыши, установить бы настоящий фонтан, – только представила, и захотелось захныкать от сожаления. – Поющий, с подсветкой... А, между прочим, надо подумать над этим!»

То, что любые фантазии могут осуществиться, Наташа поняла, когда устроила свой первый офис в арендованной однокомнатной квартирке, откуда только вывезла свою семью в освободившуюся «сталинку» матери. И вдруг с изумлением обнаружила, что к ней стали обращаться. «Сарафанное радио» приводило новых и новых клиентов, хотя фирма тогда была еще подпольной – даже на регистрацию денег не нашлось. Зато воображения было хоть отбавляй, и Наташа уже с утра фонтанировала идеями, которые приводили в восторг не ее одну. И до сих пор этот источник, за обладание которым она не уставала благодарить Бога, не иссяк.

– У вас план крыши наготове? Так, здесь должен стоять стол для фуршета. Музыкантов мы разместим там, где меньше всего ветра, вдруг им нужны будут ноты... Вот в том углу, чтобы панораму города не закрывали, поставим надувные фигуры. Вроде у их шефа все в порядке с чувством юмора, так что сделаем веселого зайца. – Она улыбнулась. – Его фамилия – Зайцев.

– А еще кого? – Ирочка сосредоточенно записывала.

– Еще? – Прищурившись, Наташа попыталась разглядеть будущего Зайца.

К нему в компанию просился Волк, но это можно было расценить как угрозу. Кто же может составить Зайцу пару?

– Зайчиха! – нашлась она. – Сделаем акцент на ценности семейных отношений. Теперь это модно... Только выясните, пожалуйста, женат ли этот Зайцев, а то еще вляпаемся со своими аллегориями... Это нетрудно, соседи как-никак. А теперь главное: ровно в одиннадцать вечера, когда достаточно стемнеет, вон в той многоэтажке напротив, – Наташа показала пальцем, чтобы помощница ничего не перепутала, – должны погаснуть и загореться окна, чтобы высветилась надпись: «С юбилеем!»

– Как это? – Ира воззрилась на нее с ужасом. Ее, конечно, предупреждали, что из Малаховской так и лезут бредовые идеи... Но не настолько же!

Наташа светло улыбнулась:

– Как? Надо будет точно высчитать, какие окна должны гореть, а какие погаснуть, потом пройти по всем квартирам и договориться с жильцами. Некоторым заплатить придется, такие встречаются. Другие согласятся за «спасибо». Вот такая у нас работа, детка! Но это ведь не у станка стоять, правда?

Движением фокусника извлекла из кармана маленькую шоколадку и протянула девушке. Та громко ахнула, будто фея подала ей хрустальные туфельки.

– Выпейте кофейку, когда вернемся. А то на вас лица нет.

Ирочка послушно потопала за ней, осторожно переставляя свои ломкие ножки. «На таких я быстро вылетела бы из бизнеса, – Наташа прикусила губу, чтоб не обидеть девушку усмешкой. – Меня-то ноги долго кормили... Носилась по Москве, как гончая... Втянулась. До сих пор на месте – аж кое-что жжет!»

Совсем не обязательно было самой лезть на эту крышу, можно было послать кого-то из менеджеров или обойтись чертежом. Но ей скучно было целыми днями сидеть в офисе, и раз уж Наташе больше не по статусу было самой проводить праздники, то погрузиться в веселую кутерьму подготовки она могла себе позволить. Иначе совсем закиснуть можно!

Ей никак не удавалось понять, как до сих пор не взвыла с тоски ее дочь, которая целые дни проводила дома, ничего толком не делая, ни с кем не общаясь... Одинаковые, как четки, недели перебирала, не тяготясь монотонностью, книгами подменяя те ослепительные брызги открытий и впечатлений, которыми фонтанирует юность. И сейчас-то Наташе удавалось в каждом дне находить столько забавного, удивительного, что ее переполняло эмоциями. И, вернувшись домой, она торопилась осыпать Аню этими сокровищами, а дочь откровенно морщилась:

– Мама, от тебя столько шума... Ну что ты руками машешь, как мельница?

– А ты еще не озверела от тишины? – не сдавалась Наташа. – Неужели тебе не хочется пообщаться?

– Хочется. Но разве ты умеешь общаться? По-настоящему, не поверхностно? Не умеешь. Ты только брызжешь восторгами, как гимназистка... Это уже смешно в твоем возрасте.

Наташа терялась:

– Так что же, мне приходиться домой и молчать? Я хотела немного развлечь тебя...

– Развлекай своих клиентов, они за это деньги платят, – отзывалась дочь. – Если б у тебя было немного больше времени, может, я и смогла бы научить тебя общаться. Только наспех этого не сделаешь...

- Научить? Ты меня? – уточняла Наташа.

- Ну конечно. Разве ты знаешь, как люди разговаривают друг с другом?

Наташа слышала не произнесенное: «Как разговаривали мы с отцом...» Дочери не нужно было добавлять этого, кое-что они все-таки понимали друг о друге и без слов.

- Ты ведь ни разу в жизни не поговорила со мной так, чтоб одновременно кому-то по телефону не отвечать...

Иногда Аня высказывалась проще:

- Мама, ты меня утомляешь. Уймись.

И уходила в свою комнату, в которой и без того провела целый день. Как ей не опротивели до сих пор эти стены, как в школьном кабинете увешанные портретами незнакомых Наташе лиц? Почему-то она стеснялась спросить у дочери, кто эти люди, показаться невежественной в еще большей степени, чем представлялось Ане... Однажды, когда сын еще не ушел за отцом следом, Наташа спросила об этом у него, потому что с ним не боялась быть собой. Но Ленка тоже не был принят в эту тайную ложу и только пожал плечами:

- Писатели какие-то... Кто еще может не опротиветь нашей Аньке?

Она соглашалась. Как и во всем другом – с сыном.

...Вернувшись в офис, находившийся в том же здании, она случайно уловила, как Ирочка боязливо спросила у кого-то в кофейном закутке:

- Почему она называет меня «детка»? Это что значит?

- Это не сексуальные домогательства, не надейся, – бодро заверил голос Аркаши, который работал с Малаховской не первый год. – У Наташи кое-какие проблемы с сыном... Материнский инстинкт требует удовлетворения.

- Но у нее же еще и дочь есть! Разве нет?

Наталья тихонько отступила к своему столу, чтобы не подумали, будто шпионит за сотрудниками. Знакомая тоска выползла из углов, окружила так тесно, что трудно стало дышать.

- Маленький мой...

Ее палец слегка коснулся, пунктиром прошелся по контуру веселого Ленкиного лица. Здесь ему было лет пятнадцать... Тогда у Малаховских еще не дошло до развода. За полгода - после Наташа ни разу не позвонила сыну, оглушенная его предательством, но снимок со стола не убрала. Аня к ней на работу не заходила, а других она не посвятила в то, какой выбор сделал мальчик, которого любила больше всего на свете. Почему?! Столько этих вопросов, что захлебнуться кровью можно - так рвут горло их крючки...

Как он умел смешить ее! Даже совсем маленьким, пятилетним - не клоуном скакал, а по-взрослому острил, беззубо пришепечывая, поддевал ее с добродушной снисходительностью. И это никогда не ранило, потому что любовь, которую Наташа чувствовала в нем с младенчества, даже насмешку делала не обидной.

Правда, один из карнавальных костюмов, которые она в те годы, по бедности, соорудила собственноручно, был клоунским... Ленке только исполнилось восемь лет, и она рисковала напороться на естественную боязнь мальчишки показаться своим сверстникам смешным. Но ее сын оказался умнее и артистичнее, даже чем представлялось ей. И вокруг него весь праздник вились девчонки, которых он развлекал. Хотя накануне он как раз лишился переднего зуба и очень переживал. Наташа направляла его руку, чтобы выпавший зуб угодил в щель «за печкой», точнее за газовой плитой. Подразумевалось, что там живет мышка.

- Маленький...

Увиделось, как он, полугодовалый, выглядывает из-под облезлого стола, где был его «домик», старомодно прикрытый скатертью, и вся Ленкина мордашка светится радостью. Белоголовый, как она сама, кудрявенький, глаза сияют полукруглыми солнышками. С грудным смехом он хватается за ноги Аню, которая сидит с книжкой (уже научилась в свои пять лет бойко читать по слогам), а та отталкивает его ногой с неожиданной яростью:

– Да отстань ты! Вечно мешаешь.

Кажется, тогда Наташа впервые дала дочери затрещину, потому что Ленька отлетел к ножке стола, ударился головой.

– Поиграла бы с ним лучше! – крикнула Наташа, морщась от некрасивости плачущей дочери. – Корчишь тут из себя взрослую!

– Я и есть взрослая! – размазывая слезы, протянула та. – Ты не понимаешь... Я не хочу играть! Мне неинтересно.

И ведь правда, почти не играла, только в раннем детстве, еще до рождения брата. А после – будто протест возник: чтобы с малышом не уравнивали, не ставили на одну планку. Кукол и мягких зверюшек засунула в диван – от греха подальше. Книжки, книги и ничего, кроме них. Наташа пыталась растормошить дочь, тянула за собой на детские праздники, которые проводила, но в ответ слышала только одно:

– Неинтересно. Ты же это не для нас придумала.

– Но ты тоже могла бы повеселиться с ними вместе!

– Так – неинтересно.

Чужая, пересказанная, а то и придуманная в книгах жизнь увлекала девочку больше... А Леньке все было интересно! Он часто увязывался за матерью даже на свадьбы, которые Наташа тогда еще проводила сама. И охранял ее своим присутствием от захмелевших гостей, которые не решались тянуть лапы через голову ребенка. То ли понимал, что ей необходим защитник, то ли делал это интуитивно и больше для себя самого – она и сейчас этого не знала. Но всегда, каждую свободную минуту, ее сын был с ней рядом. Ее Ленька, который, как Наташе казалось, даже дышал с ней в такт...

Хотя и ему тоже требовалось уединение, что в однокомнатной квартирке, позднее ставшей Наташиным офисом, давалось непросто. Забравшись под стол, Ленька рисовал своих «идиотиков», как называл их отец, – мускулистых воинов с небольшими головами. И гора мышц у каждого все росла и росла... Потом сын

вырезал их и играл сам с собой, потому что сестра никогда не составляла ему компанию – взрослой себя считала! А он долго оставался ребенком и что-то бормотал в своем углу на разные голоса. У него была целая куча игрушек, а он упорно плодил этих «идиотиков»... Аня презирала его за это и любила называть «маменькиным сынком». Он и был маминым, только не в уничижительном смысле.

«Надо работать! Глушить работой». – Наташа вскочила из-за стола. На дела набрасывалась, как на болеутоляющие таблетки, а со стороны казалось, что Малаховская землю роет, чтобы фирму вывести в лидеры своего бизнеса. Пока до этого далеко было, но если боль не утихнет в ближайшие года три, то все может быть...

– Я поехала на встречу с иллюзионистом, потом – к музыкантам, – бросила она секретарше. – Если что – я на связи.

И забилась в лифт от чужих глаз, которые могли подметить, что иногда с Наташи почему-то слетает пыльцой ее природная жизнерадостность. Пара минут наедине с собой. Смогла бы она выдержать целые дни, как Аня? Не заскучала бы в собственном обществе? Дома, когда дочь запиралась у себя, Наташа сразу хваталась за телефон или включала телевизор. Ей необходимо было слышать чей-то голос, иначе нарастал ужас: мир забыл обо мне...

Дверцы раскрылись, предлагая ей мир подземный. Здесь, на парковке, машины ждали своих хозяев, как дремлющие псы... Как Ленька радовался, когда она принесла подобранного на улице щенка, собственноручно отмыла его и проглотила. И сын, топоча, носился с неуклюжим, заваливающимся на бок щенком наперегонки, хотя квартирка тогда была такой, что не разбежаться. А дочке собака сразу вонзилась костью в горло. Точнее, в ухо.

– Да что он все время лает? – морщилась Аня. – Столько шума от него...

Почему в ней всегда была эта патологическая непереносимость любых звуков? И громкий Наташин голос, развитый на чужих свадьбах, больше всего резал дочкин слух. Она даже головой трясла и закрывала ладошками уши, демонстрируя, какой дискомфорт причиняет ей мать, только открывая рот.

– Смотри, какой хорошенький! – Наташа тормошила щенка, целовала его смешную мордочку, пытаюсь расположить к нему дочь.

Но Аня сторонилась их обоих:

– Мама, ты же его трогала, а теперь меня! Ты хоть руки помой... Фу, что ты его целуешь, он же под хвостом у себя вылизывает!

Все это еще можно было как-то снести и уладить, если бы чернявый дурачок, которого они назвали Кузей, не добрался до книжек. Могло показаться, что вся квартира усеяна бесцветными конфетти – так мелко щенок изорвал все страницы. С Аней случилась настоящая истерика... Когда дочь позвонила ей, Наташа даже не сразу поняла из ее рыданий и заиканий, что именно произошло. Но нечто совершенно ужасное – это было ясно. Температура у Ани подскочила запредельно, даже «Скорую» пришлось вызывать – Наташе не верилось, что можно так расстроиться из-за книг.

– Детка, да я куплю тебе другие! Куплю, – клялась она.

Но дочь визжала, колотя ногами и тыча в провинившегося щенка:

– Выгони его! Унеси его куда хочешь!

И Володя встал на сторону дочки: нельзя так издеваться над ребенком. Не хочет собаки, и не надо. Ему-то было все равно...

– А я хочу! – пискнул из-под стола Ленька, обнимавший щенка, и затих.

Больше они никогда не заводили животных. А теперь Наташе казалось, что из их дома что-то ушло тогда вместе с этим щенком...

* * *

Ей почудилось, будто звук шагов, доносившихся из темноты за спиной, стал наплывать, приближаться, подменяя привычную реальность какой-то киношной, выдуманной. Это там, в экранном Зазеркалье, на людей то и дело нападают на

подземных стоянках, и женщинам приходится убегать, подворачивая ноги, на ходу сбрасывая туфли. Они разлетаются попавшими в шторм лодочками, беспомощно заваливаются на бок, демонстрируя степень незащитности их владелицы. Крупный план. Срывающееся дыхание актрисы.

Женщина ускорила шаг, невнятный стук каблуков доносился издалека, точно душа ее уже отделилась от тела, и с недоумением прислушивалась к происходящему внизу. И не с ней – это ощущение не оставляло. Вспотевшая рука не сразу попала в сумочку: «Ключи... Ключи... Да где они?!»

Кто-то идет следом, в этом нет сомнения. И он тоже заторопился, почуял, что добыча ускользает. Показалось, что он уже в паре метров, она резко повернула голову: никого! Опять слуховой обман гулкого подземелья? В ушах шумит так, что посторонних звуков уже не разобрать... На ходу обернулась, пяťясь назад, но даже тени, скользящей следом, не увидела. Фантом какой-то... Или успел присесть за чью-нибудь машину? Джипов здесь хватает.

– Эй, кто здесь? – резко выкрикнула она, понимая, что рискует выставить себя идиоткой. Может, человек просто нагнулся, чтобы достать что-то из салона своей же машины...

Но никто не откликнулся. Не выпрямился. И никак не находились ключи, а это уже заставляло паниковать, ведь спастись можно было только в своем «BMW». В народе – просто «трешка»... Рука нащупала и стиснула большой кошелек: «Швырнуть ему? Кость – бешеной собаке... Этого хочет? Не меня же... Теперь эти уроды только на детей охотятся. Бросить?»

Но что-то в ней слишком сопротивлялось. Когда-то Наташа билась за каждую копейку, даром они ей никогда не давались. Не годами, десятилетиями вырывалась из нищеты. Как ноги пухли, когда возвращалась с очередной свадьбы – без голоса, без сил! Все, что теперь имеет, своим горбом заработала, с какой же стати отдавать хоть частичку тому, кто сам не способен ни на что иное, как нападать на женщин?

Вперед. Кошелек так и остался в сумке, теперь ключи от машины жгут ладонь, как сорванная чека гранаты: «Уцелею? Успею?» Ног уже нет, вместо них – стекающий с тела ужас. Но эти тягучие струи еще как-то движутся, хотя мозгу больше не подчиняются. Он, собственно, и команд никаких не дает. Отключился.

Растекся страхом.

Внезапно спину обдало тишиной. Наташа и теперь не обернулась, не дала ему посмеяться над ее доверчивостью. Едва не упав на капот своей машины, нажала на кнопку брелока. И только тогда додумалась, что это лучше было сделать заранее, за несколько шагов. Но вышло как вышло.

Не поднимая глаз, Наташа распахнула дверцу, упала на сиденье и мгновенно заблокировала все замки. Конечно, он еще мог разбить лобовое стекло битой, как тоже делали в фильмах, и все же она почувствовала себя в относительной безопасности. Как всегда, ощущала машину своим убежищем даже в большей мере, чем дом ее мечты, ради которого, в общем-то, и билась все эти годы, как рыба об лед. Сейчас же он казался слишком большим, по углам слонялись привидения. Пока его строили, экономя каждую копейку, их было четверо. Остались двое... Как двоим найти друг друга в таком пространстве?

Только заведя мотор, она решилась бросить взгляд поверх руля. Глаза жгло от страха, как от бессонницы, мешало взглянуть. Веки показались ей пергаментными, готовыми порваться от слишком резкого движения. Осторожно, осторожно...

Поблизости никого не было.

Удалось продохнуть. Увлажнившись облегчением, глаза быстро обшарили подземелье.

– Что и требовалось доказать, – на всякий случай она все же произнесла это шепотом. – У меня развивается совершенно идиотская мания преследования... А я ведь никогда не была трусихой!

В своих Хамовниках она ни в детстве, ни в юности не боялась возвращаться домой даже в полночь. Ловила дыхание темноты, подставляя лицо, подмигивала звездам, которые будоражили в ней что-то смутное, шальное. И ничто вне стен родной квартиры, в которой поселился ужас, не могло вызвать в ней страха... Не потому, что времена были другими, и тогда всякое случалось, но Наташе казалось, что здесь ее бережет сама земля, и Новодевичий монастырь осеняет крестом. В собственном доме не удалось уберечься... Но в этом ни земля, ни монастырь повинны не были.

Сейчас московская улица встретила неудержимым солнцем, которое заставило одновременно зажмуриться и улыбнуться: «Я жива! Хорошо-то как...» Наташа тут же открыла глаза: еще аварии не хватало! Только что она едва не погибла от собственного воображения...

Теперь ясно, точно опять увиделся кадр из фильма, только на этот раз романтического, представилось, как ее улыбка влажно поблескивает на солнце. Мужчине, к которому она направлялась, этот блеск должен показаться магическим. По крайней мере, так задумано, хотя и не имеет особого значения. Главное, чтобы он заключил контракт с ее агентством по устройству праздников. Ей нужен этот иллюзионист, говорят, он неплох и обаятелен, почти, как Копперфильд. Хотя в это слабо верится... Такого, как тот черноглазый американец, вряд ли удастся найти в Москве.

От солнечной вспышки все вокруг на какое-то мгновение волшебным образом замедлило ход, опять отсылая к кинематографу, способному творить с людьми чудеса. И пугать до остановки сердца, и делать их самих радостнее и разноцветнее, чем они есть на самом деле. Многозначительнее без занудства... Светловолосая девушка медленно повернула голову – волосы разметало по ветру легкими струями. Ей вслед дрогнула зарождающаяся улыбка юноши в белой майке. В его лице все напряглось неуверенностью: можно ли?

Сутулая продавщица цветов приподняла над своим разноцветьем белый бутон розы, и Наташе захотелось крикнуть:

– Он как раз для той девушки! Подождите, я куплю для нее.

И даже не родилось естественного: «С какой стати?!» Она любила набрасывать на лица людей выражение счастья.

Не замечающий своей улыбки, юноша потянулся к цветку, словно собирался приобрести запах. Как внушить ему, чтобы он отдал его светловолосой девушке? Такой нежной, такой изящной и юной, как этот бутон? Ведь она уйдет сейчас, исчезнет в толпе, как все самое светлое, что выпадает человеку случайно, и затеряется в общей серости, если он мгновенно не решится протянуть руку...

Сзади раздался нетерпеливый гудок. Вздрогнув, Наташа нажала на газ: «Уснула я, что ли? Где эта девушка? Кто хотел купить цветов? Опять померещилось все... Разве мужчины еще дарят цветы незнакомым женщинам?»

Те праздники, что устраивало ее агентство, всегда были отягощены цветами, как советская демонстрация транспарантами. Но то были заготовленные букеты, продуманные, выверенные, в том числе и в денежном отношении. В них не было импровизации, милой неловкости сиюминутного желания. А этот белый цветок нес в себе пенную легкость, хрупкость мечты... Не сбывшейся. Девочкой Наташа мечтала лишь об одном: чтобы у нее выросли крылья, такие вот – светлые, воздушные, – и она могла бы улететь далеко-далеко от своего дома, от матери, от позора, от своей жизни... Девочка-эльф, направляющаяся в далекую зеленую страну, где всегда синее небо... В Москве триста пасмурных дней в году.

– Да что со мной? – удивилась она вслух, очнувшись от наваждения. – Бредить наяву начала?

Ей не очень верилось, что это предстоящее свидание с почти незнакомым человеком так взбудоражило в ней все, и начались приливы-отливы: от черного ужаса до солнечной сентиментальности. Мужчина, который сейчас ждал встречи с ней, не так уж волновал Наташу. Только и помнила о нем, что поразили его античные золотистые кудри, захотелось запустить в них пальцы. Да не просто шутя, а так, чтоб уцепить, притянуть его голову, почувствовать губы. Но место было самым неподходящим – банк.

Но Сергея уже зацепил ее болезненно-удивленный взгляд, он не понял его. А у нее в мыслях мелькнуло: «Волосы, как у Леньки...» Только это и выделило его из общего ряда. И притянуло против ее воли.

– Мы где-то встречались? – начал он.

Ее даже это не покорило. Ну, не придумал ничего посвежее, не всем же дано жонглировать словами.

– Все может быть, – она улыбнулась.

А он, как водится, предложил выпить кофе, а после него – как-нибудь встретиться. Она согласилась, а Сергей тут же назвал отель, где остановился.

Оказалось, приехал из Питера всего на пару дней. Потеряв его кудри из вида, Наташа растерялась: «Зачем он мне нужен?»

В зеркале потом встретила виноватую улыбку:

- Но кто-то же должен появляться время от времени...

* * *

Этого времени – после развода – набралось уже полгода. Она сама его организовала, когда почувствовала, что ей не вмоготу больше тянуть на своих плечах двоих художников, постоянно находящихся в творческом поиске. Продолжать нянчиться с дочерью Наташа была еще согласна. Полновесным содержанием искупала вину за то, что сама считала Анютку недолюбленной с тех пор, как родился сын. Ее златовласый мальчик... Это его кудри погладить бы, одарить невинной материнской лаской. Разве другими его заменишь?

Не в то ли время, когда родился Ленка, и муж перестал быть мужчиной ее жизни? Как они рискуют, эти отцы, жаждущие иметь сыновей! Володя проиграл в турнире с собственным сыном. Самым необъяснимым стало то, что победитель все отдал побежденному, своей судьбой его поддержал... Если бы Наташа могла хотя бы мысленно допустить такую возможность, то уж ни за что не стала бы удалять мужа из своей жизни. Но однажды ей стало не вмоготу видеть его изо дня в день, уже с утра – потерянного, выбитого из колеи всей жизнью, не выходящего из творческого кризиса...

И сам Володя, и все вокруг понимали, что он пошел не своей дорогой, переоценил способности и потому не мог найти себе работу в Москве, где средненький театральный режиссер никому не был нужен. Талантов пруд пруди! А ничего другого он не умел и ничему не хотел учиться. Помогать в делах Наташе казалось ему зазорным, ведь она занималась «развлекаловкой», а ее муж презирал это и дочь заразил таким отношением. Он хотел быть причастным к настоящему искусству, а вот оно не желало родниться с ним, как аристократическая дама с плебеем. Которым Володя, конечно же, был, провинциал несчастный... Впрочем, как и москвичка Наташа, и все их друзья рабоче-крестьянского происхождения. Хотя кто-то из них все же допускался ко двору...

Но то, что делал Владимир Малаховский даже сразу после ГИТИСа, когда юношеская наглость компенсировала недостаток одаренности, было слишком консервативно, подражательно и казалось всем до неловкости неумелым для человека с таким дипломом. А потом и задора поубавилось... Володя пытался убедить ее, что ему просто не дают проявить себя в должной мере, что будь у него свой театр, он творил бы чудеса, и в его фантазиях все действительно казалось волшебным. Когда супруг вдохновлялся и говорил о своем великом будущем, их дети слушали отца, раскрыв рты, и верили ему безоговорочно.

А Наташе было не до воздушных замков, она для них же, для своей семьи, строила настоящий дом, из кирпича и бетона, а для него нужны были реальные деньги. Не те, которые воображаемый театр принесет когда-нибудь... Если вообще принесет. Как она могла оторвать хоть кусок от своей мечты, которая уже возводилась строителями, чтобы воплотить мечту мужа? Сам же он ничего не мог предпринять даже ради того, чтобы помочь себе самому. О вкладе в строительство дома она уже и не заговаривала...

Однажды подавленный Наташин стыд за мужа, который все меньше воспринимался даже мужчиной, не то что творцом, прорвался наружу. Едкое замечание со стороны отравленной стрелой пронзило плодный пузырь, в котором вынашивалось отторжение. На одной из премьер Володиного однокашника кто-то сказал за ее спиной:

– Вовку Малаховского видел? Я думал, он давно уже спился или свалил из профессии... Нет, еще цепляется, неудачник! Лучше б мясом торговал.

Наташе показалось, что меж лопаток плеснули кипятком – она так и выгнулась от боли. Жар мгновенно метнулся к лицу, едва не выжег глаза. Зажмурившись, она попыталась удержать слезы, которые отличались своей природой от обычных, но тоже были давно знакомы ей. Наташа надеялась, что ей никогда больше не доведется плакать от стыда, и много лет держалась, но Володя все же вынудил ее. Всего лишь тем, что был причастен к ней...

И она решила это исправить. Если бы Наташа просто сказала ему: «Уходи!» – он нашел бы тысячу причин остаться, тысячу слов, чтобы уговорить ее. Потому что, по сути, повода расставаться не было. И дети в два голоса вторили бы ему, отторгая правду матери, а это стало бы самым мучительным... Нужно было отяготить мужа виной, чтобы не посмел даже просить ее о снисхождении. Наташа рассудила, что сорокапятилетнего мужчину легче всего поймать на том,

что бес щекочет ему ребро.

И она избрала объект для задуманной интриги: двадцатилетняя дочь его старого, чуть ли не школьного (Наташа точно не помнила) приятеля, который сам, непонятно почему, относился к Володе с придыханием и девочку воспитал в том же духе. Непризнанный гений! Живая легенда... Ариша и раньше часто мелькала в их доме, хотя никто из их с Володей детей с ней не дружил, Аня вообще разглядывала воздушную блондиночку с недоумением естествоиспытателя, теперь же Наташа сама стала зазывать ее по поводу и без повода. А вечером настойчиво просила Володю отвезти девочку домой...

Как бы само собой разумелось, что там по дороге происходило, но чутье разочаровывало Наташу: ничего! Хотя Ариночка так и обвивала ее мужа взглядами и дыханьем, и неуместными своими восторгами. Почему он так и не позволил себе отдаться обожанию глупой юности? Ведь кроме всего прочего, это придало бы ему уверенности в себе, расправило бы слежавшиеся крылья. Наташа недоумевала: «Любит он меня, что ли?» И раздражалась от того, как Володя сопит, сосредоточившись на чем-то, как мелко и часто жует, будто суслик, как лоснится на крутом подбородке его смуглая кожа...

А ей уже так нестерпимо хотелось отделаться от него, что она поторопила события. В тот день, когда простуженный Володя наверняка был дома один и в постели, она купила «симку» и с нового номера послала той девочке сообщение: «Ариночка, хочу тебя видеть. Больше не могу бороться с собой! Приезжай ко мне в два часа. Буду один. Проходи прямо в спальню. Володя». Наташа позаботилась о том, чтобы дверь осталась открытой, а муж не сошел с постели – подсунула ему новый роман Акунина, которого он прочитывал залпом.

Эта дурочка еще и ответила на sms: «Буду! Твоя! Люблю-люблю-люблю!» Наташу чуть не стошнило от такого количества сиропа... Ровно в два часа по полудню Арина вошла в их дом. Наташа выждала десять минут и отправилась следом, чувствуя, как в крови закипает ликование, будто в спальне ее ждал подарок, о котором она мечтала не один месяц. Она виделась себе маленькой девочкой в синем бархатном платье и с голубым бантом в волосах, на цыпочках крадущейся к рождественской елке. Шейка вытянута, губка закушена от волнения...

Разочарованию ее не было предела: Володя не пустил Аринку дальше краешка постели. Девочка сидела, поджав отвергнутую голую ножку, и они, видимо, выясняли, как произошло это недоразумение с сообщением. Сарафанчик на ней

был весьма открытый, но все же он был – на ней. И тем не менее сцена могла быть истолкована как весьма пикантная. Именно поэтому, когда Наташа возникла в дверях разгневанной фурией, на лицах обоих отразился ужас.

– Кажется, я не вовремя, – только и сказала она и начала быстро спускаться по лестнице.

«Пожалуй, я – лучший режиссер, чем он», – подумалось ей, когда Володя, как и предполагалось, выскочил за ней в одних трусах и догнал в три прыжка. Он так жалко лепетал что-то о своей полной непричастности к происходящему, о том самом недоразумении, которое Наташа просчитала до деталей, что ей стало тошно смотреть на него. Свой подарок ей все же удалось стащить из-под елки...

– Я подаю на развод, – вполголоса сообщила она. – Я не для того пахала на этот дом, чтобы из меня здесь же делали посмешище.

Дабы оповестить детей, Наташе потребовались минуты. Аня поверила сразу: невозможность понять навязчивое Аринино присутствие в их доме нашло объяснение. И Володина любимица, дочь, почувствовала, что он предал именно ее. Променял на бесцветную пустоту, позарившись только на юность. Оскорблена дочь была куда сильнее, чем сама Наташа, – отсчет от нуля!

Вот сын... То ли поверил не ей, а отцу, то ли проявил пресловутую мужскую солидарность. В те дни Наташе казалось, что под ногами у нее – зыбучие пески, и она увязала каждым своим шагом. И сил на то, чтобы просто переставлять ноги, становилось все меньше. А Ленька был где-то там – за краем пустыни, и быстро шел не к ней навстречу, а в противоположную сторону. Не хотел ничего слышать, хотя они всегда понимали друг друга с полуслова. Намека хватало на схожесть ситуации, с каким-нибудь фильмом, которые всегда смотрели вместе, чтобы они уже расхохотались в голос.

А в те дни смех совсем перестал звучать в доме. Володя сломался сразу. Попытался доказать ей свою невиновность, но как? Факт был налицо: Наташа застала их в спальне. Голую девичью ножку до сих пор видела на простыне... Что его клятвы против очевидного?! И он сдался. Да так быстро, что жена даже испытала разочарование. К тому же возникли подозрения, что все было хоть и подстроено ею самой, но искренно желанно было обоими участниками фарса...

Однако разбираться в этом Наташа не стала. И ни минуты не жалела потом, что освободила себя от роли утешительницы несостоявшегося художника. Незавидная роль. Хотя многие жены ведут ее десятками лет. Но вот она не была просто женой, какой-нибудь домашней курицей, которая молиться готова на сомнительный талант своего мужа. Когда-то ее тоже восхитило, что Володя – студент последнего курса ГИТИСа, будущий режиссер, он показался ей почти небожителем, ведь сама занималась в простеньком училище культуры. Вот только с тех пор она неумоимо, не жалея себя, шла вверх, как в юности на Аю-Даг взбиралась, хоть и мечтая отдохнуть, припасть к фляжке, но не останавливалась, а муж топтался на месте. Годами... Десятилетиями. Что могло измениться, если ему уже было под пятьдесят?

Знакомый судья, которого Наташа еще и подбодрила конвертом, развел их быстрее, чем Володя успел собраться с мыслями.

Дневник в блоге Мантиссы

«Мать присутствует в моей жизни постоянно, хоть в мыслях, если не наяву. Как некий демон. Средненький такой, веселенький демон, не наделенный гением, зато привязчивый сверх меры. То, что она много лет работала тамадой, приучило ее по-простому требовать внимания к собственной персоне: «Все посмотрели на меня!»»

А я отказываюсь выполнять приказы, от кого бы они ни исходили. Изгонит она меня, как отца? Сломает, как бабушку? Изолирует от мира, в котором все готовы ей подчиняться? Бабушкино пренебрежение правилами бесило ее до того, что моя мать объявила его сумасшествием. А купленный ею врач психиатрической больницы с готовностью щелкнул замком. Она вышла победительницей в многолетнем сражении с собственной матерью. Отец успел сбежать прежде, чем она и его неуспокоенность объявила психическим заболеванием.

Теперь я – единственная потенциальная жертва, сама оставшаяся в ловушке из какого-то болезненного любопытства: «Что будет? Что она со мной сделает?»»

Чувствую, ей никак не удастся понять моего к ней отношения. Если б я сама понимала! И могла бы определить одним словом: любовь? Ненависть? Или какая-

то чертова зависимость от женщины, которую не уважаю, не восхищаюсь ею, как многие, считаю дурно воспитанной, необразованной, неинтересной. И вместе с тем руку отдала бы, чтоб стать для нее средоточием мира... Чтобы у нее хоть раз возникло желание узнать меня и понять. Углубиться в мои мысли, не отвечая на бесконечные телефонные звонки. Чтобы мысль обо мне возникала у нее не между дел, а занимала ее постоянно. Словом, чтобы моя мать любила меня...

Жуткое видение из детства – ее перекошенное от злобы лицо. Из-за чего она орала и тащила меня за волосы из кухни? Я пролила Ленькино молоко? Стащила у младшего брата банан, которого тогда днем с огнем было не купить? Что такого чудовищного мог совершить шестилетний ребенок, чтобы волоочь его за лохмы? Мои сиротские, в рубчик, колготки, какие носили тогда все дети, цеплялись за гвоздики, торчащие из пола. Но этого она не замечала, и моего рева не слышала. А у меня голова лопалась от звона – столько шума мы с ней произвели тогда.

Она вообще – олицетворение грохочущей стихии. Хотя, надо признать, сердится мать редко, но тем глубже врежется в память каждый эпизод. Может, всего пару раз меня и наказала в детстве, а простить не могу. Вот Ленька никогда не был злопамятным, да и ее отучил кричать на раз: взял и нарисовал портрет «Мама-страшилище» после очередного ее приступа. И – как рукой сняло! Она еще и смеялась, другим рассказывая, как воспитывает ее сын. Знала, как нас бесит, когда она каждого встречного посвящает в детали нашей жизни, всем пересказывает, как смешно высказался ее ребенок, и все равно болтала языком направо и налево. Даже Ленькино самолюбие не щадила, что уж обо мне говорить... Наверное, потому я привыкла держать язык за зубами. Теперь в нашем доме царит тишина...

А Ленька тогда и другой шедевр создал «Мама-красавица», где она уже была с улыбочкой. Которую, надо признать, мы видели постоянно. Уже с утра слышали ее пронзительный смех... Только ведь смех – не признак большого ума. Даже первобытные люди умели смеяться.

Наша мать недалеко от них ушла, хоть и считает себя продвинутой женщиной. Но ее детская непосредственность меня просто с ума сводит! Хочется связать эту школьницу-переростка, вставить кляп и нацепить паранджу, чтобы не видеть ее и не слышать. Но чтобы она была рядом. Что-то во мне постоянно просит ее физического присутствия. Самой противно, но это так.

Изо дня в день я упорно пытаюсь порвать ту энергетическую пуповину, которой она (сама того не желая!) держит меня. Чтобы наконец уйти от нее, начать самостоятельную жизнь. Но боюсь оторваться от матери, как от генератора, который подпитывает меня избытком своей энергии. Все эмоции в ней – через край! Глаза горят, руки взлетают, словно я хуже пойму, если она будет говорить спокойно. Но нет! Ей нужно орать, хохотать во все горло над любой глупостью, прозвучавшей по телевизору, все время пытаться втянуть меня в совершенно пустой диалог. А вот просто сесть рядом, помолчать или негромко поговорить не о пустяках прошедшего дня, а о чем-то по-настоящему важном, это не для нее.

Как мне хотелось бы заставить ее отбросить словесную шелуху и научиться произносить слова! Но для этого нужно как минимум запереть ее дома, выключить телефон и телевизор, вынудить ее вслушаться в тишину и собственные мысли. Почему она не научилась этому у своей матери, моей бабушки Вари, которая большую часть жизни провела, погруженная в грезы и размышления?

Картинки из детства: бабушка в шелковом халате возлежит на диване с сигаретой, духи и туманы, серебряные ложечки, витые свечи, сборники стихов, помятые блокноты с собственными записями... Когда я впервые услышала выражение «не от мира сего», то сразу представила бабушку. И восхитилась тем, что она не имеет ничего общего с этим миром, который разочаровывал меня уже в детстве: толстые соседки с бидонами, их пьяненькие мужья с «бычками» в углах слюнявых ртов, вечно орущие, и в горе, и в радости, дети... Меня манила таинственная бабушкина действительность, в которой как раз действию не было места. Только – химеры, мечты, мысли.

А моя мать – человек поступков и целиком принадлежит современности. Ей некогда заглянуть даже в себя, не говоря уж о других, она живет в постоянной борьбе за кусок хлеба. Кому он нужен, этот кусок?! Она твердит, что ей с детства приходилось зарабатывать, потому что бабушка не спускалась из своего поднебесья. А я думаю, что алиментов деда им хватило бы, чтоб не умереть с голоду... Но моей матери как воздух нужна была круговерть, она словно та безумная белка в колесе, которая несется вперед ради самого движения. Бабушкины покой и нега ей кажутся преступными. А мне – восхитительными!

Сломать ее колесо? Обездвижить неукротимого зверька? Иногда суетливость матери бесит до того, что хочется приковать ее цепями и заставить увидеть меня! Услышать. И даже прочесть то, что я написала за все это время. Ведь не

разучилась же она читать!

Хотя литература для нее – это нечто потустороннее, чем реально существующий человек заниматься не может. Будто все книги мира написаны некими фантомами... Мою мать куда больше порадовало бы, если б я вообще изъяснялась теми куцыми обрубками, которые используют для общения мои ровесники. Мне кажется, если б я произносила «типа», «жесть!», «супер!», то она понимала бы меня гораздо лучше. Не потому, что она сама использует эти слова, вовсе нет. Но в этом случае я была бы понятнее матери. Я была бы как все. Она и от отца ждала того же: чтоб он спустился с небес на землю, пожертвовал своей индивидуальностью ради возможности слиться с толпой, в которой мать чувствует себя как рыба в воде.

В те редкие дни, когда мы ужинали все вместе, мать просто корчило, когда отец выходил из своей комнаты и начинал с воодушевлением пересказывать, какую интереснейшую вещь прочитал только что! Она так сжимала вилку и нож, что кончики пальцев белели, готовые омертветь, лишь бы не ощущать присутствия нелюбимого человека. И еще это его обращение «Ташенька», которое всем казалось интимным и ласковым, кроме нее самой, зацикленной на своей значительности. Глава фирмы! И вдруг – Ташенька...

Неужели отец не замечал всего этого? Или отказывался верить, залепляя глаза той пленкой самообмана, что используется человечеством веками? Наверное, так еще Авель пытался убедить себя, что брат его любит, что они как одно целое...

Но так не могло продолжаться до бесконечности, ни тогда, ни сейчас. Если б нетерпеливая юность в лице Аринки не перешла в наступление. Мне – двадцать два, я еще не чувствую себя достаточно взрослой, но Арина – это, даже по отношению ко мне, уже другое поколение, никакими моральными устоями не зараженное. Она не ищет оправдания той разрушительной силе, которую направила на семью Малаховских и смела ее с лица земли. Ей был нужен мой отец, и она пришла взять его. Позиция восемнадцатилетних: почему я должна отказывать себе в том, что хочу?

А я не позволила себе этого. Мне хотелось уехать с отцом... Как же мне хотелось этого! Но буквально за пару дней до разрушительного явления Арины в нашей жизни бабушка, которую тайком навещаю в психиатрической больнице, вскользь намекнула, что вряд ли я прихожусь ему родной дочерью...

И вся моя необъяснимая ненависть к демонстративной женственности моей матери сразу нашла объяснения. Годами меня мучило непонимание того, почему я отторгаю ее, но лишь теперь все встало на свои места: эта белокурая красotka отобрала у меня отца еще до моего рождения. Лучше б это она оказалась мне не родной, ведь никакой кровной близости между нами никогда и не было... Тот человек, которого я считала им, тот единственно возможный и любимый отец, оказывается, был предан ею больше двадцати лет назад, а теперь еще и изгнан. А я даже не могла уехать за ним следом, потому что, если верить бабушке, я ему – никто. А я ей верю, хоть она и заперта в сумасшедшем доме».

* * *

Застрав в пробке на Тверском бульваре, Наташа подумала о том, что ей хорошо было бы родиться кротом, способным проложить под землей собственные юркие ходы. Несостоявшаяся жизнь мгновенно увиделась компьютерным мультиком: темнота несется навстречу, извиваясь гибким телом. Скорее! Еще скорее! Крот на летающей доске... Маленькая зверушка с лицом Натальи Малаховской.

Смех прозвучал для самой себя, как и все в жизни в последнее время... Хотя годами верила, что не для себя живет и чего-то добивается, о чем-то еще только мечтает. Но все – для своих детей. Чтобы они могли ею гордиться. Дочь и сын. Полноценная семья.

– Да, Сережа? – машинально ответила она на звонок. – Я помню, что встречаемся. Конечно... Еще ведь есть время? Ты пока настраивайся, настраивайся! Я только заскочу по одному делу...

Уже для себя добавила вслух:

– «Заскочу» – это, конечно, сильно сказано. Заползу...

Пережитый на подземной стоянке страх до сих пор копошился в душе и мешал Наташе радоваться даже тому, что буквально полчаса назад так удачно заключила контракт с иллюзионистом, который оказался мужчиной даже в большей степени, чем этого можно ожидать от волшебника. Ее открытые колени отвлекали его от чтения договора, а Наташа, не позволяя ему сосредоточиться и заметить некоторую невыгодность условий, живо расспрашивала о былых

победах. И он распетушился, выпятил грудь...

- Да, я ведь в Штатах получил звание Магистра...

- Ну, я слышала, конечно! - с легкостью плеснула она лжи. - Об этом столько говорили в нашем кругу! Как это было? Наверное, незабываемая церемония?

Переключила с настоящего на прошлое, на один из самых приятных моментов жизни, чтобы его светом окрасилось и это мгновение и недостатки контракта заштриховались сами собой. Ей он выгоден куда больше, чем ему, только сейчас это должно остаться незамеченным. И Наташа старалась: обдавала его ароматом смеха, наклоняясь и слегка, чтобы только заманить в сети, показывая пухлую грудь, то и дело бралась за его рукав, мягко сжимала. Но себя нисколько не презирала в эти минуты - а за что? Ей было весело, она забавлялась, как чаще всего определяла свои отношения с мужчинами. А он откровенно получал удовольствие, какое еще мог себе позволить.

Этот стареющий фокусник действительно был обаятелен, особенно для дам определенного возраста и детей, для которых он уже вполне мог сойти за дедушку. Но от блестящего Копперфильда в нем только и было, что длинные, проворные пальцы, за движениями которых не уследишь, как ни старайся. Он прямо у нее перед носом провернул пару фокусов, а Наташе так и не удалось заметить, куда исчезают все эти ленточки, шарики и прочее. На свадьбах она попросила его устраивать что-нибудь с голубями, которых ее агентство и раньше использовало, но до сих пор их просто пускали в небо молодожены. А вот чтобы белые птицы возникли ниоткуда...

...Мимо, лавируя среди машин, быстро прошел мужчина с седым «ежиком» и кейсом в руке. Зацепившись взглядом, Наташа проводила его: движения скованы - боится задеть чужой автомобиль. Спина напряжена от раздражения... Бросил машину, не выдержав долгостояния? Или был пассажиром? Ситуация, как в том фильме с Майклом Дугласом, где он выходит и из себя, и из автомобиля, берет автомат и идет убивать свой город.

Она огляделась: кому из соседей уже хочется этого?

В «Тойоте», застрявшей слева, дама в темных прямоугольных очках читала, положив книгу прямо на руль. Форма очков увиделась, когда та почуяла взгляд

сбоку, машинально повернулась, но не увидела Наташиного лица за тонированными стеклами. Больше от книги не отрывалась, подавала вперед, даже не поднимая глаз. Хотя детектив, видно, попался скучноватый – она позевывала, не стесняясь этого. Забыла, что видна, как в аквариуме. Одинокaя рыбешка, запертая в замкнутом пространстве.

Наташа закусила губу, сдерживая смех, – сейчас бы высыпать на капот ее машины корзину фиалок. Ей увиделось: книга соскальзывает с руля, бледные губы приоткрываются, рука машинально снимает очки, надевает их снова... И – улыбка!

Отвернувшись, Наташа увидела с другой стороны длинноволосую девушку, похожую на молодую Джейн Фонду. Нерусский тип лица. Иностранка? Девушка упрямо смотрела перед собой, а парень, сидящий рядом, так и подпрыгивал, кривляясь, как Джим Кэрри. Хотя его мордаха была типично рязанской... Ему так хотелось заинтересовать свою «Джейн», что Наташе на секунду стало больно за него. Не удастся ведь, это уже понятно.

А он, дурачок, отказывается поверить, что девушке, сидящей за рулем, смотреть на него не хочется, поэтому она и не сводит глаз с задника «Вольво», стоящего впереди. Ему бы поразить ее чем-то сторонним, с ним самим не связанным. Да хоть дышащую игрушку из кармана извлечь! Положить маленькую собачку ей на колено, вызвать прилив умиления, перенаправить его на себя. Если только «Джейн» не окажется ненавистницей зверюшек, как ее Аня...

Гарнитура «bluetooth» на ухе в сотый раз ожила звонком.

– Да, Лидия Владимировна! Я еду, еду. Лучше бы пешком пошла... Тут настоящее безумие творится!

Сегодня и ежедневно. Но этот неумело смешавший времена, не раз битый, но не побежденный, хаотично застроенный город, который принято ругать и ненавидеть, всегда вызывал в ее душе нежность. И жалость. Ей было жаль смешавший языки современный Вавилон, как бестолковую, суетную бабенку. Добрую, но несобранную до того, что все дети ее несчастны. Наташа невольно поежилась: «Как и мои...»

Слегка убавила холодный пыл кондиционера и потянула мысль дальше: «...как, наверное, все московские дети, большие и маленькие». Опять оглядела своих случайных соседей, и, будто слившись с ними в одно целое, пусть легковесное и откровенно мешающее («пробку»!), почувствовала, что одиночество душит их гигантским удавом, который день ото дня все плотнее сжимает свои кольца – МКАД, Третье транспортное, Садовое, Бульварное... Попытаться ускользнуть от него можно, лишь передвигаясь с нечеловеческой скоростью, поэтому все москвичи постоянно спешат. Надеются ускользнуть. Удастся – единицам. А их общая мать и хотела бы выручить их, осчастливить всех и каждого, больше всего на свете хотела бы, да не знает как. Не получается.

Вдруг показалось, что от долгого ожидания опять начались галлюцинации. Вспышкой невозможного мелькнуло за окном лицо дочери. У нее дрогнуло сердце: откуда она здесь? Припав к стеклу, Наташа завороченно проследила, как дочь, слегка загребая сандалиями, брела одна, среди играющих на бульваре детей, среди целующихся на скамейках парочек, неприкаянная какая-то... Пальцы на ногах, наверное, потемнели от пыли. Маленькая, слабая... Жалкая. Худенькие плечики, смуглые даже среди зимы, не то что сейчас, то и дело подергиваются, будто она спорит на ходу сама с собой. Или с кем-то другим? С Наташей? Это дело обычное, дочь не соглашалась с ней ни в чем и никогда.

Ане всегда хотелось быть антиподом матери, даже внешне: высокая блондинка – миниатюрная брюнетка. В раннем детстве Наташа еще пыталась сделать ей прививку женственности: по благу доставала красивые платица, гольфики, бантики, заколочки. Но Аня их срывала, топтала, специально пачкала фломастерами, хотя и рисовать-то в отличие от брата не любила. Получив от матери оплеуху, упрямо натягивала мальчишеские шорты, джинсы... Почему-то Ане всегда казалось стыдным быть девочкой. Заявила об этом недавно, но Наташа догадалась давно. И вспомнила себя, еще в детстве давшую слово не вырасти похожей на свою мать.

– Но меня ведь можно было понять? – торопливо пробормотала она, обращаясь то ли к дочери, которая не замечала ее машины, то ли к Всевышнему. – Я столько от нее натерпелась в детстве... А я-то своих не позорила, не бросала, не мучила...

Но сейчас это почему-то показалось неубедительным, хотя вроде срослась за годы со своей правотой. А дочь неторопливо шла навстречу потоку машин, среди которых застряла и Наташина, но, не видя матери (что, впрочем, стало уже

привычным), и улыбалась чему-то. Может, этому дню, который выдался солнечным, а может, тому, что нарастало внутри и с чем она неслышно перешептывалась – бледные губы, очень четко очерченные, шевелились.

Только что Аня представлялась ей придавленной ленью к дивану в их доме, находившемся в десяти километрах от Москвы, и вдруг проявилась в центре города. И это показалось Наташе чем-то за гранью... Ей-то верилось, что она имеет хотя бы приблизительное представление о ее жизни. Оказалось: она знает о дочери еще меньше, чем думала. На филфак Наташа ее «поступила», и Аня его окончила, но не в школу же теперь идти с этим дипломом! Получилось – вообще никуда. В себя.

У нее вырвалось призывное:

– Детка! Что ты здесь делаешь?

Ее охватила паника: дочь уже поравнялась с машиной, сейчас уйдет в свою тщательно скрываемую жизнь... Сидя вполоборота, Наташа провожала ее взглядом, сама не понимая: удержать хочет или боится быть обнаруженной?

Встрепанный московский воробьишка, темные волосы казались нечесаными с самого утра, шорты не стиранными никогда... Хотя Наташа сама забрасывала ее вещи в стирку, зная, что Аня и не вспомнит о куче грязного хлама в углу, распространяющего запах затхлости. Ей всегда было некогда отнести его в подвал, где стоит стиральная машина, она была поглощена поисками своего места в жизни. Глобального смысла происходящего. А в ее комнате тем временем копился дурной дух, пока мать не врывалась туда против Аниной воли. Наташа помнила, что во многих американских домах, где довелось побывать, когда ездила в Штаты по делам, ее поразил этот запах давно не стиранного белья в детских комнатах. Жаль, не спросила: их окончательно впавшие со своей демократией в маразм родители считают насилием над личностью стирку грязных носков без согласия владельцев?

Наташа видела, что ее дочь раздваивается все непоправимее, духом устремляясь к вершинам русской литературы, а образом жизни опускаясь к быту американской провинции. Мать Аня презирала одновременно за то, что та не перечитывала на ночь Достоевского и что призывала ее хоть раз в неделю наводить порядок в своей берлоге. Об остальных комнатах и речи не могло быть,

давно уже была нанята домработница Вера, но к себе Аня ее принципиально не пускала. Наташа подозревала: дочь опасается того, что малограмотная тетка сунет нос в неразборчиво исписанные листы... Очень ей надо!

Светофор поманил зеленым, противиться его мягкому приказу было невозможно. Тотчас накрыла бы звуковая волна нетерпеливых гудков, привлекла бы Анино внимание. Пытаясь поймать отражение дочери в зеркале заднего вида, Наташа немного проехала вперед, впервые надеясь, что движение опять застопорится и ей удастся еще немного понаблюдать: какая она в одиночестве? Чему она так улыбается? Что нашептывает? Сочиняет свои бредовые то ли повести, то ли новеллы? Бессюжетные, странные. Наташе, которой она когда-то дала почитать, показалось – скучные. Никакой динамики. С тех пор Аня больше не показывала ей написанного.

Наташа понимала, что сама она далеко не художник. Но и потребителем себя не считала, ведь из кожи вон лезла, чтоб хотя бы улыбка ее родного города стала светлее. Если невозможно осчастливить всех его детей...

Аня бурчала, что мать впустую тратит время. Что людей нужно заставить не веселиться, а почаще задумываться. А сама только что улыбалась, уличила ее Наташа. И наверняка безо всякой особой причины. У нее нет любимого, который мог позвонить ей без повода. Университетские приятели еще проявляются иногда, но настоящих друзей, способных сообщить хорошую новость, у нее нет. И отец, которого Аня еще допускала к душе, сейчас далеко...

Она и сама была уже еле видна. Наташа невольно вытянула шею, чтобы поймать ее крошечное отражение. У нее опять сдавило сердце: «Моя девочка исчезает, пытается совсем ускользнуть от меня...» И в этом была вся их жизнь: Аня существовала поблизости, но не вместе с ней. Со своими мыслями и улыбками, едва слышным бормотанием, самостоятельным пребыванием в мире, где Наташа тоже присутствовала, не более того.

Поток машин потек медленно, но верно. Наташа в смятении оглянулась: дочери уже и не видно, придуманный мир опять утянул ее, как мать и боялась когда-то. Разве у Ани есть определенная жизнь в этом мире, в этом современном городе, где Наташа чувствует себя как рыба в воде? То, что так презирает ее дочь – круговорот лиц и событий, бесконечные звонки, нужда в ней одновременно всех и каждого, распухший от записей ежедневник, – это позволяет Наташе чувствовать себя живой. Необходимой. Не зря проживающей жизнь.

А дочь именно это всегда презирала, считала суетой сует, недостойной рода человеческого. Наташа почувствовала, что закипает: «Целыми дни валяться на диване, размышляя о вечном, конечно, более достойно! А пожрать мама пусть в клюве принесет. Вся в отца...»

Этого дочери никогда не говорила. Не потому, что боялась обидеть... Иногда – ой, как хотелось хлестнуть побольнее, хотя бы фразой! Но как раз это для Ани не прозвучало бы обидно: ей хотелось быть похожей на Володю. То, что его режиссерская гениальность не признавалась никем, кроме нее, ну, еще и Арины, как выяснилось, не могло разочаровать в нем дочь. А вот то, что он впустил в свое личное пространство другую девочку, оттолкнуло Аню, обозлило.

И все-таки, не уехав вместе с отцом в провинцию, она тем самым не от него отреклась – от себя. Ловя острые, вприщур, взгляды дочери, Наташа с тоской думала, что Аня возненавидела ее за то, что мать удержала ее своей Москвой...

Из дневника в блоге Мантииссы

«Утром я закончила историю, которую писала больше года. Праздник? Сомнительно. Ощущение такое, будто потерял еще один близкий человек... Только обвинить некого, сама придумала своего героя, сама же ускорила расставание, хотя могла бы и десять лет писать. Большого раздражения у матери, чем то, что уже заработала, я все равно не вызвала бы.

Герой моего романа (как звучит!) тоже не как все. Как и я, как и отец, от которого отшатнулась, когда нужно было сделать выбор: а вдруг чужой?! Вдруг все, чем я жила до сих пор, было только иллюзией? Одной из моих фантазий. Как Алик. Хотя, признаться, его я все же не совсем придумала, а действительно встретила прошлой весной, кажется, уже в мае, на подходе к нашему дому, который еще был полон жизнью, потому что отец и брат были с нами и ничто не предвещало беды... В этой фразе обычно говорят «казалось». Но нет, не казалось! На самом деле никаких предвестников не было, кроме того, что родители уже давно смотрели сквозь друг друга. Точнее, она сквозь него.

Наверное, внутри ее тогда воцарилась такая же пустота, какую ощутила я, когда роман был закончен. И она попыталась заполнить ее другими людьми, множеством людей! И меня тоже потянуло потолкаться в Москве, увидеть новые лица, упиться радостью оттого, что я закончила роман и что так тепло и тихо, и даже детские голоса звучат не раздражающе. Они сливались с птичьими возгласами, и казалось, будто дети – это просто большие птицы, спустившиеся на землю. Не страшные птицы. В прекрасном эгоизме своем совершенно не замечающие никого, кроме себе подобных.

Мне хотелось надышаться воздухом своего города, собрать пыльцу с его вялых цветков и напитать их силой воображения, сделать их диковинными, яркими, гигантскими, поместив на страницы той повести, что задумываю сейчас. Думаю, в отличие от жестковатого романа об Алике сейчас получится немного странная легенда о девочке, запертой в подземелье и приручившей цветы, что росли возле ее решетчатого окошка. Вытягивая травяные шеи, они проникали в ее мрачную тюрьму и дарили ей свою красоту, свои яркие цвета. Постепенно они научились понимать язык друг друга. Ну, и так далее... Сказка. Ложь.

Вся литература – это, по сути, или сказка, или ложь. Ткань романа всегда или красивее, или ужаснее, чем настоящая жизнь. Все преувеличенно, слишком выпукло, неестественно ярко, даже описание отбросов и помоек. А жизнь – это такая тягомотина, такая серость или пошлость, что если описывать ее, не утрируя, то подобное никто и читать не стал бы. Скукотища. Но мы все тянем и тянем эту слюнявую жвачку, называемую жизнью, и даже не пытаемся совершить что-то из ряда вон, чтобы потрясти филистеров, живущих внутри нас и по соседству.

Мой герой, мой Алик не был одним из них. Я бродила по Москве, вспоминая, как прошлой весной неподалеку от нашего дома, под цветущим каштаном (выглядит чересчур картинно, но именно там он и стоял!), увидела странного парня, который, заслонившись рукой, смотрел на солнце и улыбался. Это не было гримасой человека, которому слепит глаза... И эта улыбка зацепила меня приподнятым краешком и понесла изогнутой пирогой в страну воображения, из которой я вернулась только сегодня.

В моей фантазии Алик получился жестче, чем на самом деле, потому что перемешался со мной. Я защитила своего героя, добавив той злой силы, которую не проявляю в миру, – коплю для творчества. Признаю, она сделала его менее обаятельным, ведь мгновенно очаровывают именно его мягкость, его

улыбчивость... Темные волосы были спутаны теплым ветром, подбородок небрит, но большие глаза так и сияли, и потому Алик не производил впечатления бродяжки. В нем бурлила любовь к этому миру, который пока ничем особенно не досадил ему.

Терпеть не могу этой материнской особенности сразу выискивать лейбл, определять цену и тряпке и человеку в целом, хотя не так уж она проницательна, чтобы понять с первого взгляда – кто перед ней. Кем показался бы ей Алик? На нем были обычные джинсы и майка, все не слишком дорогое, но и не совсем ширпотреб. Мальчик из среднего класса. Как и я, собственно, если не брать во внимание особняк, который мать возвела, кажется, на собственных костях – так выкладывалась ради него.

В его улыбке была странная застенчивость, но что-то в темном взгляде сразу предупреждало о том, что это далеко не маменькин сынок.

– Ты видела? – заговорил он так, будто мы были давно знакомы. – Это же сапсан был! Сбил голубя, зараза... Жалко птичку! Но как он красиво это сделал!

– Я не заметила...

– А я услышал такой странный звук... Стремительный такой. И шуршащий, и свистящий одновременно. Ничего подобного до сих пор не слышал, – он так и захлебывался восторгом.

– Тебе понравилось наблюдать, как убивают?

Он уже стал мне интересен. С такой радостной улыбкой наблюдать за охотой хищника – на это не каждый способен. И голос у него был хорош – негромкий, мягкий.

– Алик, – вдруг назвалса он и даже слегка поклонился, прижав руку к груди.

Кисть у него оказалась длинной, я еще подумала: «Не музыкант ли?» Когда-то я сама училась немного, но мои руки были слишком малы, чтобы светлое будущее в музыке улыбнулось мне. Я повторила про себя: «Алик», – попробовала на вкус. Красиво, но чувствуется склонность к выпендрежу.

– Мне казалось, такие имена остались в шестидесятых...

– Так и есть! – весело сообщил он. – Я – типичный шестидесятник. Мне нравится то время.

И я поняла, что не смогу отпустить этого парня, пока не вытяну из него все соки. Стараясь не слишком заискивать, принялась уговаривать:

– Слушай, пойдём к нам. Что тут торчать посреди дороги? Здесь так мало живых людей... Тебя я тут вижу впервые.

Он на удивление легко согласился, и пока мы дошли до нашего дома, Алик уже рассказал мне, что приехал из Питера к бабушке. Последнее слово произнес как ребенок: трогательно и даже чуть пришепетывая. Сразу же захотелось погладить его по голове. И моя тщательно скрываемая ото всех привязанность к бабушке отозвалась нежностью. С нею бы жить в этом царском доме... Она чувствовала бы себя здесь вполне естественно, недаром мать за глаза иногда называет ее «маркизой». С презрительной интонацией плебея.

– Но бабушка не в курсе, что я уже здесь, – упав в гамак, объявил он. – Так что можем потрепаться немного. Так ты из этих?

И Алик кивнул на наш белоснежный особняк. Его длинные волосы пучками свисали между переплетениями гамака, и хотелось подергать их снизу.

– Нет, – отреклась я, даже не требуя уточнений. – Этот дом – на самом деле идея фикс моей матери. Она годами морила нас голодом, чтобы его построить.

В его глазах опять возник насмешливый блеск.

– Особо заморенной ты не выглядишь! Вполне соответствуешь современным стандартам. Особенно если тебя вытянуть сантиметров на двадцать!

– Почему шестидесятые? – нетерпеливо спросила я, сама себе напоминая паучиху, приготовившуюся до последней капли высосать кровь из своей жертвы.

Улыбнувшись, он принялся рассеянно накручивать волосы на указательный палец.

– Единственное десятилетие, когда в моде были интеллект, остроумие, эрудиция...

Чего мне, кстати, жутко не хватает, сам понимаю! – продолжал Алик. – Но, между прочим, тогда и романтика еще присутствовала! Эта склонность во мне тоже копошится... Я, знаешь, все детство в мореходку рвался. Питер, сама понимаешь! Кругом красавцы в бескозырках... Но у меня вечно с легкими какая-то чертовщина была. Реакцию Манту как вколют, так полруки разбарабанит. В общем, не взяли меня...

– Сочувствую.

Приподняв голову, он беззлобно хмыкнул:

– Правда, что ли? А ты как к шестидесятым относишься? Аксенова читала? Ну, молодец... Какие люди тогда были, а? Физики, лирики... КВН, между прочим, придумали. А теперь если интеллектуал, так уж такой зануда! К тому же глубоко-глубоко закомплексованный из-за своей нищеты. А в те годы никого особо не интересовало, сколько у тебя в кошельке, который папа подсунул...

– Или мама, – буркнула я.

Он кивнул:

– Ну да. Только то, что ты сам собой представляешь. Мой дед – типичный шестидесятник. Ироничный такой, умный, зараза! Профессор Петербургского университета. Математик, а прочитал, кажется, все на свете! До сих пор в джинсах ходит. Это единственное, что у нас общего! А так я – дурак дураком рядом с ним... Он за меня универ окончил.

– А ты чем в это время занимался?

Его блеск поугас:

- Лечился я в это время.

Расспрашивать дальше было все равно что ковырять ножом незажившую рану. Но я никогда не была особо жалостливой.

- Легкие лечил?

- Не совсем... Вернее, совсем даже не легкие.

- А что тогда?

Конечно, первым делом я подумала о наркотиках, а он - совсем о другом.

- Не прокаженный я, не бойся, - усмехнулся Алик. - Хотя... В каком-то смысле... Я - игрок. Это, знаешь ли, тоже болезнь. Если меня пустить в казино, я не выйду оттуда, пока у меня хоть что-то будет за душой. Видишь, как все запущено!

- Достоевский тоже был игроком. - Я напомнила это, чтобы как-то примирить его с собой.

Но Алику это, похоже, и не требовалось. И о Достоевском он знал все, я поняла это по тому, какая насмешка проступила в прищуре.

- Когда я проиграл отцовские медали, он и упек меня в больницу. Ему и до этого уже осточертело меня выкупать...

- Что за медали?

- Боевые, - пояснил он, на этот раз без усмешки. - Отец в Чечне несколько лет бился. За что - даже не задумывается. Мол, не его это ума дело, наверху виднее. Он - профи. С дедом они будто и не родня! Папа мой - настоящий полковник. А сын - дерьмо собачье. Это он сам про меня так говорит.

- А дед? Что он говорит?

Закрыв глаза, Алик молчал так долго, что мне показалось, будто он уснул. Я сорвала длинную травинку, которых благодаря нечеловеческим усилиям моей матери здесь почти не осталось (сплошной газон!), и хотела пощекотать нос Алика, но тут он неожиданно сказал:

– А бабушка, которая здесь живет, ни о чем даже не подозревает. Ее стараются не расстраивать, ей уже за восемьдесят. Она мою мать поздно родила, и я тоже младший в семье, брат давно женился, отдельно живет. А бабуля у меня – тоже уникальная. Но она не шестидесятница, она вообще вся из Серебряного века. С Цветаевой дружила. Правда, с младшей. Но она тоже, знаешь, была не лыком шита.

– Я знаю. Я читала ее «Amour».

Он даже приподнял голову:

– О! Надо тебе с моей бабушкой познакомиться. Как-нибудь... Если что, ее зовут М.?В. Осколок высшего света, последняя его искра... Без шляпки и перчаток из дома ни ногой! Такой вот уникал. Только ты сегодня же не являйся, сначала ей мое появление пережить надо... Такой внучек – это, знаешь, не слабое потрясение для интеллигентной женщины! А отец ничего лучшего не придумал, как к ней меня отослать! Как в профилакторий – долечиваться. Знает, что я все-таки не такая скотина, чтобы пожилого человека огорчать. Буду смиренно сидеть в ее домике с мезонином, беседы за вечерним чаем вести... Заходи в гости.

– Непременно, – отозвалась я светским тоном. – Ты надолго сюда?

– А это уж как мой папа решит, – впервые в его голосе зазвучала злость, но Алик тут же стер ее улыбкой. – Успеем увидеться!

– Я надеюсь.

– В том смысле, что ему не скоро захочется меня вернуть?

– В том смысле, что я не прочь встретиться снова.

Мне действительно хотелось увидеть его еще хотя бы раз. Потому что его история уже закрутилась в моем воображении, обрастая деталями, которые Алик утаил или которых не было вовсе. И едва простившись с ним, я бросилась в свою комнату, чтобы успеть донести до ноутбука порочное обаяние этого несчастного мальчика, которому никак не удастся сжиться с самим собой: не слишком умным, никем не любимым, попавшим в зависимость...

Но это было позднее.

- А мы еще не расстаемся, - объявил он и вскочил. - Пойдем!

Я даже не спросила: куда? Доверила ему свою руку, полетела следом, чувствуя себя воздушным змеем, которому он хочет подарить облака. Голубизна неба в тот день была теплой, мягкой, не такой пронзительной, как бывает зимой. И ладонь его тоже была теплой и казалась крепкой, надежной, хотя я уже знала, что лучше всего эта рука умеет ставить фишки...

Куда мы бежали? Была ли у него какая-то цель? Или ему, как обычно, нравился сам процесс, движение в неизвестность, где может повезти, а может, и нет. Но Алик так улыбался, оборачиваясь на бегу, что мне даже не хотелось задавать вопросы. Только подумалось, что во всем этом есть нечто романное, что люди не ведут себя так на самом деле, и, возможно, я уже придумываю и Алика, и этот день, который слишком хорош после нескончаемой зимней пасмурности, и себя саму, согласившуюся куда-то идти с незнакомым парнем.

Впрочем, как сказала бы моя мать, это как раз в моем духе: пойти не зная куда, чтобы найти там неизвестно что. Похоже, я кажусь ей сказочным персонажем, таким русским гоблином или Иванушкой-дурачком в женском обличье. Хотя это самое обличье я не особенно ощущаю... И обреченности носить свой пол не чувствую. Воспринимаю себя человеком и хочу, чтобы окружающие видели во мне то же самое.

Что видел Алик в тот день? И вообще - видел ли меня? Или его собственные фантазии, на которые он, как мне показалось, мастер, клубились вокруг, застыв глаза, и ему не удавалось разглядеть меня - реальную? Да не очень-то и хотелось рассматривать это маленькое, черненькое существо, похожее на ожившую кляксу, обряженную в шорты и топик.

Если б он увидел меня в тот день... Да, все могло бы сложиться иначе! И мне не о чем было бы писать в своем романе, потому что историю любви я сочинять не стала бы – не доросла еще до того, чтобы суметь описать это достойно, без соплей. Поэтому моя книга получилась скорее о нелюбви. О том, как она подменяет нам все возможные чувства, делая инъекцию анестезии прямо в душу. И мы перестаем замечать, как тусклеет мир вокруг, и небо затягивается серым, и цветы исчезают из поля зрения. Наверное, они остаются где-то рядом, буквально под ногами, но их мир уже воспринимается параллельным, которого не замечаешь в будничной жизни.

Однако в тот день все живое еще было с нами.

– Смотри!

Алик подтащил меня к старой березе, толстый ствол которой расходился на три. И начал пихать меня в этот трезубец, а когда я кое-как заползла туда, вскарабкался и сам.

– По идее, она выросла, – озираясь, пробормотал он. – А для меня стала ниже, чем лет пятнадцать назад.

Я стряхнула муравьев, которые деловито поползли по моим шортам.

– Ты часто сюда забирался?

– Да я вообще нечасто к бабушке навещивался, каюсь! Но, знаешь, я так люблю Питер, что мне даже на каникулы не хотелось уезжать. Каждое лето на велосипеде гонял по городу и все время находил новые улицы, новые дворы. Это город, который невозможно узнать до конца.

Я ревниво заметила:

– Москву тоже. Она побольше Питера.

– Но в ней нет его магии, – возразил Алик. – Москва – это хаос. В ней хорошо жить тому, в ком самом такая, знаешь, полная упорядоченность.

– Это называется гармонией.

Но он мотнул головой, потер небритый подбородок:

– Нет, я не о том. Гармония – это уже просветление. Высшая стадия развития. Нирвана такая внутри тебя... А я говорю о порядке. Когда ты ясно знаешь свои цели и понимаешь, как их достичь. И ты идешь и идешь к ним, вот как мураши эти, – он щелкнул одного пальцем, – как те колонны офисных работников, которые цепляют с утра белые воротнички и становятся в строй. Вперед, к вершине карьеры! Вот им хорошо в Москве, потому что она хоть чуть-чуть их оживляет.

– А тебе нужны прямые улицы Питера...

– Потому что внутри у меня черт-те что! – кивнул Алик и сокрушенно вздохнул. – Я этим вовсе не горжусь. В нашем с тобой преклонном возрасте уже пора бы как-то определиться...

– Мать без конца твердит мне об этом...

– И мой отец тоже. Будто это всем так легко дается: разобраться в себе, понять, в чем твое предназначение? Зачем вообще ты здесь? – Он взмахнул рукой. – В этом мире... Вот отцу всегда нравилось командовать людьми, и он подался в военные. И преуспел. А твоя мама?

Алик заглянул мне в глаза. Хоть он и доставлял близким массу неприятностей, глаза у него были добрыми, в окаймлении веселых морщинок... Впрочем, такой взгляд как раз и характеризует слабых людей, которые и не хотят портить окружающим жизнь, но ничего не могут с собой поделать. У моего отца похожие глаза, такие же темные и блестящие, как у Алика. И у меня самой...

– Моя мама стала тем, что сейчас называют бизнес-леди. Еще несколько лет назад она тамадой на свадьбах работала... А потом...

Нет, об этом я еще не готова была рассказать ему. Слишком много гноя выдавится из этой раны, если ее затронуть... И я продолжила уклончиво:

– Потом она предприняла кое-какие энергичные действия, у нее появился стартовый капитал, и ей удалось открыть свое агентство. В том же духе, конечно... Они проводят разные праздники, юбилеи, презентации и прочую дребедень. Развлекаловка. Ничего интересного. Вот мой папа...

И я поделилась с ним отцовской идеей будущего театра, уже существующего в его воображении во всех деталях, вплоть до рисунка на программках. Но на его создание тоже нужны были деньги, а мать не проявляла желания подвести материальную базу под мечту своего мужа, даже когда ее агентство стало приносить доход. Ей важнее было достроить этот чудовищно гигантский дом, чтобы всем утереть нос, пустить пыль в глаза и причинить массу прочих неприятностей, которые всегда доставляет зависть. Только она ни разу не задумалась о том, что тот, кто ее вызывает, тоже вполне может навлечь на себя беду...

– Знаешь, – задумчиво произнес Алик, – а я ведь неплохо рисую. Большого художника из меня не вышло, но, может, твоему отцу понадобится декоратор... Я дорого не возьму! Я ведь из тех придурков, что за идею готовы работать. Особенно если будет крыша над головой и какой-никакой обед.

– Разве ты играешь не ради денег?

Он дернулся так, что я чуть не свалилась с дерева. Вместо улыбки мелькнул оскал. Я даже струхнула немного.

– Да как ты... – опустив голову, Алик будто подавил нечто вскипевшее в нем. – О-о, да ты совсем не понимаешь природы азарта! Деньги для меня вообще ничего не значат. Я запросто мог бы подарить тебе миллион, если бы вдруг выиграл. Тут ведь другое... Игра – это, знаешь, возможность проверить, насколько ты способен управлять событиями. Кожей почувствовать, где твое везение.

– Ты говоришь об интуиции?

– Не только, – Алик бросил на меня опасливый взгляд. – Не знаю, поверишь ли... Но я, честно, каждый раз пытаюсь заставить рулетку остановиться там, где нужно мне. Силой мысли, понимаешь?

– Конечно.

Обрадованно улыбнувшись, он с шаловливым видом закусил нижнюю губу, и лицо его стало совсем мальчишеским.

– Когда я научусь этому... Уже получается иногда! Нет, правда-правда! Но когда не станет проколов, тогда мне все будет подвластно, понимаешь?

– Ты тоже хочешь управлять людьми?

Он сразу нахмурился:

– Как мой отец? Нет. Только не это. Я еще и сам не понимаю, чем хочу управлять. Может, всего лишь собой. Своей удачей. Своими желаниями. Но у меня еще есть время разобраться с этим, правда?

Внезапно Алик спрыгнул вниз и прошелся по траве той особой походкой, какой обычно выходят на сцену комики. Потом раскланялся – больше перед березой, чем передо мной.

– Любезнейшая публика! Сейчас вашему вниманию будет предложена пантомима!

Зачем-то вытерев ладони о джинсы, он взял в руки что-то невидимое, и вдруг я совершенно отчетливо увидела мольберт и кисть. Прищурившись, точно всматривался в натурщицу (которой вовсе не я оказалась), Алик мазнул кистью по одной из красок и нанес первый штрих. Его движения были лаконичны, но так выразительны, что мне почудилось, будто я и впрямь вижу то, что он рисует. Это была женщина. И это была не я..

Может, эта горечь и не позволила мне забыть о нем тотчас, как мы расстались у дома его бабушки? Он настоял, чтобы я проводила его и запомнила, куда прийти в гости. И с тех пор прошло уже больше года. Сегодня я дописала свой роман о нем... Он получился немного дерганым, как и сам Алик. Тем более я смешала его с собой. Но та солнечная, ничем не подкрепленная радость, что сияла в его глазах, его детское желание повелевать обожаемым миром, в моей рукописи тоже есть. Кажется... Если бы Алик еще был тут, я попросила бы его почитать ее. Ведь нужно же убедиться, что написанное мной интересно еще хотя бы одному человеку. Рядом со мной нет такого человека...

Но и Алик больше не возникал в моей жизни. Я с головой ушла в историю, для которой он, живой, уже не был необходим, ведь персонаж, похожий на него, уже оброс плотью. А когда я вспомнила о реальном Алике и наведалась к домику М.В., то никого там не застала. Уже кончалось лето, и, видимо, полковник позволил сыну вернуться в строй...»

* * *

Когда-то Наташа рвалась уехать от своей матери за тридевять земель, но город не отпустил. Как можно было расстаться с женственностью московских холмов, с румяными баженовскими фантазиями, с тихой красой Новодевичьего монастыря, вблизи от которого родилась? К пруду у его изножья бегала летом с мальчишками. В детстве почему-то лишь с ними дружила, наверное, опять же из-за матери: девчонки ворочали от Наташки носы – дочка городской сумасшедшей!

Хотя Наташина мать никогда не бродила по улицам с малахольной улыбкой, какая сегодня, пугая, возникла на Анином лице. Наташа до сих пор поживалась, вспоминая: говорят, все дурные заболевания в третьем поколении передаются, как бы ее девочка не унаследовала...

У матери были свои «тараканы». Какое-то заблуждение ее детства, школьное прозвище Маркиза разрослись в ее больном сознании до того, что Варвара Игнатьевна и впрямь начала считать, что в жилах у нее течет голубая кровь, а челядь, ее окружающая, создана для услужения. Ходить на службу она отказывалась наотрез, даже когда ее просила об этом дочь. Которую она тоже, кстати, держала за обслугу, только изредка вспоминая, что они – одной крови.

От того, как мать разговаривала с соседями, Наташку в жар бросало. Но до какого-то времени она находила этому оправдания, ведь Варвара Игнатьевна и выглядела в своем дворе разорившейся аристократкой, и знала много такого, о чем простодушные соседки и не догадывались. Они, например, не слышали имени Аристотеля, не знали, кто такая Сафо, а мать свободно цитировала обоих. И сама что-то постоянно писала в коричневых общих тетрадках – обложек другого цвета тогда было не найти.

Все бы ничего, если б с каждым годом не разрасталось количество опасных странностей... Наташу приводило в бешенство, когда мать начинала огрызаться с дикторами, с садистской точностью возникающими на телеэкране. Вечно полуголая, обожающая свое полное, розовое тело, часами пролеживающая в облупленной ванне, вечерами мать устраивалась перед телевизором в старом кресле с потрескавшимися, облезлыми подлокотниками и корчила злобные рожи экрану. Всех, кто добился хоть мало-мальского успеха, Варвара Игнатьевна ненавидела просто неистово, потому что ей этот успех так и не улыбнулся. Скорее скорчил подобную гримасу...

В детстве голосистой, белокурой Вареньке пророчили сценическую славу, потом экранную популярность и ждали от литературно одаренной девочки романов... Но романы хотелось не писать, а переживать на деле, и это увлекло до того, что ее начали считать нимфоманкой, сходявшей с ума из-за любых штанов.

До какого-то момента Наташка не понимала всего этого и до боли любила свою красивую, мягкую, когда прижмешься, всегда сладко пахнущую мать. Хотя жить на одни алименты, которые щедро выплачивал отец, было не так уж сладко. Но до школы Наташку это не слишком заботило, потому что в садик она не ходила и не понимала, что одета в обноски – гулять всех выпускали в чем похуже... И она до одури носилась по двору, самовольно расширяя его границы чуть ли не до Кремля. Загорелая, как головешка, длинноногая уже в шесть лет, вся в ссадинах. Зимой добавлялись синяки от снежков, разбитые на горке локти и колени. Тогда и в Москве зимы еще были снежными...

Но однажды мать вышла во двор в одной коротенькой розовой сорочке с транзистором, который подарил Наташке отец, и начала какую-то странную, непристойную пляску. Соседи собрались быстро – не каждый день такое зрелище увидишь! Слова «шоу» тогда еще и не слышали...

За Наташей прибежали давившиеся злорадным смехом девчонки:

– Там твоя мамаша такое вытворяет!

– Она вам не «мамаша»! – только успела огрызнуться она.

А сама уже мчалась к дому, увлекая за собой толпу мальчишек, которых сейчас ей меньше всего хотелось видеть рядом. Но так уж сложилось, что они повсюду

были вместе.

До сих пор помнилось, как резануло стыдом, даже скорчилась от боли. Как брызнули слезы... Как впились в горло ухмылки соседней по двору, впервые показавшемся сумрачным – каменным мешком. Никто не увел безумную женщину, не набросил халата на ее голые плечи. Наташе бросилась в глаза штопка на сорочке – неумелая, расплзающаяся. Мать никогда не была рукодельницей, да и готовить толком не умела. Вообще ничего не умела и не хотела учиться. Но только этим дочь в жизни ее не попрекнула бы. Как и нищетой, которая напомнила о себе этой штопкой, похожей на кривую, беззубую усмешку. Наверное, тогда Наташа впервые устыдилась их бедности, возненавидела ее.

Не позволяя вырваться наружу плачу, от которого уже сводило горло, она затолкала сопротивлявшуюся мать в подъезд. А та неистово отбивалась:

– Пусти! Что ты мне вечно мешаешь? Они же все любовались мной. Ты видела, как мужчины смотрели на меня? А ты мне завидуешь, тощая уродина! Все мне завидуют!

Впервые открылось с изумлением, что мать видит в ней не только ребенка, но и подрастающую (в семь-то лет!) девушку. То ли ее так раздражала Наташина похожесть – льняные кудряшки светлым маревом вокруг лица, то ли сама принадлежность к тому же полу? Наташа потом прошла через то же самое: сына любила со звериной страстью, горло за него готова была перегрызть. Родилась бы мальчиком, узнала бы, каково это – чувствовать себя любимым ребенком. Даже если б в отца удалась смуглостью кожи, точеной правильностью черт.

Мать иногда заговорщицким тоном нашептывала Наташе:

– Ты с их проклятым басурманским родом не имеешь ничего общего. Это я тебе говорю!

Что-то Наташа уже понимала в том возрасте, потому что от обиды за отца бросало в жар.

– Врешь! – сатанея, кричала она в перекошенное лицо матери. – Это мой папа! Ты все врешь!

Она любила его так же необъяснимо, как теперь Аня своего. За что? Никаких достижений на его счету не было, он преподавал в техникуме физкультуру, хотя и спортивным прошлым похвастать не мог. Звезд с неба не то что не хватал, даже не засматривался на них. Об олимпийских медалях не мечтал, жил простыми радостями: баня, рыбалка, телевизор... Наташа до сих пор не понимала: как они вообще сошлись с матерью? Ей-то по земле и ходить зазорно было. Презирала все, что ниже неба. Но вышла замуж за мускулистое, смуглое тело, родила дочку, как живое подтверждение того, что все-таки искра была...

С Наташей они не виделись по полгода (отец жил во Владимире), при встречах стеснялись друг друга, не могли найти тем для разговоров. Но расставались мучительно, и она долго не могла прийти в себя. Ночами едва не плакала от обиды за себя, за то, что опять не смогла показаться отцу умницей-красавицей. До жути боялась, что он разочаровался окончательно и больше никогда не приедет. А зачем? Бестолковое мычание ее послушать?

Но почему-то он приезжал, и они гуляли по Москве как взрослые – под ручку. Иногда он шалил:

– Пусть думают, что ты – моя юная любовница.

От этих слов ее передергивало, но даже ему Наташа не смела сказать – почему? Никому вообще не обмолвилась ни разу, и сама старалась скомкать и затолкать в самый темный уголок памяти. Что там? Уже и не помнится... Лучше об отце думать. Он – это самое светлое, хоть и темнолик.

Было что-то глубинно правильное в том, что отец жил в таком «мужском» городе, а безумная мать – в Москве. Когда он умер от инфаркта, Наташа зарыдала, еще не дослушав, что ей говорит по телефону его соседка. А маленькая Анечка, которой и четырех лет тогда не было, забралась к матери на колени и очень серьезно сказала:

– Дедушка умер, да? Ты не плачь. Он сейчас на третьем небе, ему хорошо. Правда-правда!

А ведь Наташа еще не произнесла вслух ни слова, никому не объяснила, что случилось и отчего она разрыдалась. Анины слова так поразили ее тогда, что

она и впрямь успокоилась. А через несколько лет ей попалась книжка, в которой говорилось об устройстве Вселенной. И там было описано то самое «третье небо». Там действительно было хорошо... Откуда Аня узнала это?

Когда стали писать о детях-индиго, Наташа с некоторой опаской начала искать общие признаки. Но в отличие от того сообщества пришельцев ее дочь никогда не выдавала никаких откровений об устройстве их мира и Вселенной в целом.

Наоборот, иногда такие вопросы задавала, что Наташа терялась:

- Мама, вот наша Земля входит в Солнечную систему. А за ней - что? Ты можешь представить Вселенную? Как это понять, что она - бесконечна? Летишь, летишь, и ничего нет? Одна пустота? Это же страшно!

Наташу тогда даже напугал этот недетский интерес, ей почудилось, что с девочкой не все в порядке. Бабушкина наследственность никогда не позволяла расслабиться, все детство следила за своими малышами: никаких странностей?

Кажется, она так ничего вразумительного и не ответила тогда дочери. Попыталась заговорить с ней на более подходящую, «детскую» тему, но Аня сразу потеряла к разговору интерес. Может, с тех пор к отцу с такими вопросами обращалась? Наташа не знала этого. Некогда было расспросить его...

Дневник в блоге Мантиссы

«Бабушка говорит, что моя мать с детства обожала деньги. И эта страсть заставляла ее жирные полы в столовых вылизывать за копейки. И кое-что еще делать... В это страшно поверить, и бабушка не говорит этого напрямую, когда мы сидим с ней в блеклом холле психушки, но доверительно (а кому еще ей доверять?) шепчет: «Ну, ты понимаешь, о чем я... С детства она не давала мне устроить личную жизнь, вечно вертела хвостом перед моими мужчинами. У меня ведь было много поклонников... Но хорошенькая девочка, если она одержима дьяволом, всегда может вытянуть из мужчины деньги. Ну, ты понимаешь... Эта их порочная страсть к школьницам, в коротких форменных платьицах... Она даже в десятом классе в таком ходила, что еле попу прикрывало! А ведь мини

уже вышло из моды, все девочки ниже колен юбочки носили. Теперь ясно, почему сейчас она катается как сыр в масле?»

И хотя мне ни разу не представилась возможность уличить мою мать в неверности отцу, я действительно ясно вижу пухлые губки ее младенческой поры, капризно выпяченные, сладкий сок которых, со слов бабушки, сосали все окрестные мужики. И перепачканные слюной белокурые кудряшки, всю ее кукольную физиономию, которая до сих пор сохраняет младенческий вид, хотя моей матери сейчас уже сто лет! Но, видно, внешне ее законсервировал глубинный инфантилизм.

Тогда ей не терпелось отведать взрослой, женской жизни, зато теперь она порой ведет себя как ребенок, не понимая, что такая непосредственность раздражает. Мне так часто бывает стыдно за нее, особенно на людях, потому что мать совершенно не умеет себя вести. И если (редко-редко!) мы выходим куда-то вместе, мне постоянно приходится ее одергивать.

Но я не могу находиться с ней постоянно, потому что меня стошнит от той чепухи, которой мать занимается, считая это делом жизни. А она, похоже, не вспоминает ни обо мне, ни о естественных нормах поведения, когда находится вне дома...

Наш дом – это отдельная история. Она твердит, что строила его для нас всех, для семьи, и кованые решетки заказала в память о давней поездке в Испанию, когда мы все действительно были счастливы. Но я уверена, что с самого начала мать задумывала избавиться от нас и соорудить памятник при жизни только себе, любимой. Своему чертову трудолюбию, которым она так кичится! Все, мол, своими руками заработала, смотрите, люди хорошие, оказывается, можно! Торжество тупого труда. «Колхозница» Мухиной...

Меня она откровенно презирает за то, что не шустро, как большая часть моего поколения, сделавшего из денег культ и смысл жизни, а не способ вознаграждения за труд. Это слово «труд», кажется, вообще скоро исчезнет из словарей, потому что все меньше остается людей, которые помнят его смысл. То, что я пишу, она не считает трудом. Хотя творчество – это единственное, в чем русские могут конкурировать со всем миром. Только ей этого не понять. Она и свою работу считает творческой! Иногда мне кажется, что мы говорим с ней на разных языках.

И так было с самого детства: она всегда пыталась говорить со мной, как с умственно отсталой, хотя я уже в два года все понимала во взрослой речи. Наверное, потому, что брат был младше меня, в сознании матери и я неизменно опускалась на его уровень. Меня бесило то, что она сюсюкает со мной, я требовала естественного уважения, а ей казалось, что я капризничаю.

Бабушка разговаривала со мной, как со взрослой. Точнее, она общалась сама с собой, и спорила, и даже кричала. У нее всегда находился невидимый собеседник, порой даже диктор на телеэкране. Ленка боялся бабушки до жути, отказывался ходить к ней в гости, тем более она никогда ничем нас не угощала, наоборот, ждала подношений. А мне было интересно, я ловила каждое слово. Она читала вслух стихи, чему я научилась у нее, поняв, как важен звук, его вибрация в воздухе. Имена и лики Цветаевой, Есенина (казалось бы, несовместимых!) сизыми тенями витали, сливаясь, вокруг ее прокуренного ложа. Замерев в уголке, я пропитывалась атмосферой квартиры, из которой мать выжила бабушку, оправдавшись перед собой и любопытствующими соседями, что важнее создать условия детям. За нами ей виделось будущее! А старуха, которой тогда было от силы лет пятьдесят, может и в психушке свой век дожить. Ведь совсем уже гусей гонит...

И я лишилась предмета обожания. Отцу тогда уже было не до меня, он углубился в поиски концепции нового театра. Рылся в книгах, бегал по друзьям... Мать же сводила наше общение только к быту. Ее непонимание доводило меня до того, что я начинала беситься: швыряла в стену фарфоровых слоников, которых она «обожала», выдавливая ей в туфли зубную пасту. Она приходила в ярость и тащила меня в бывшую бабушкину комнату, чтобы запереть, а я визжала, что когда-нибудь припомню ей это. И сама дурела от своего крика...

Наверное, тогда я и пристрастилась к одиночеству, болезненно втянулась в него, и это теперь так бесит мать. Того, что сама же впервые и закрыла меня, вынудив углубиться в себя, она уже не помнит.

Мы и теперь понимаем друг друга ничуть не лучше. Вернее, она-то для меня – раскрытая книга. Бульварный роман. А для нее то, что пишу я, – чудовищная тягомотина. Двусмысленное слово «писульки» звучало уже не раз. Она считает это блажью или болезнью, или затянувшимся детством, уж не знаю... Я по глазам вижу, как она пытается разгадать меня, понять, почему я осталась с ней. Ведь при всей ее глупости она не настолько тупа, чтобы не понять, что мы с ней

– с разных планет.

Их поколение сорокалетних с лишком, бывших пионерок-комсомолок, отравлено всей этой чушью насчет того, чтобы «не было мучительно больно...» Только вот «бесцельно прожитые годы» мы с ними понимаем по-разному. Их муравьиное карабканье к однажды намеченным вершинам вызывает у меня желание со всего маха дать битой по ломким коленкам, чтобы раз и навсегда остановить это тупое движение.

И, может, однажды я решусь на это...»

* * *

Уже оставив машину, Наташа подумала, что надо было заезжать на Поварскую через Садовое. Раза в два быстрее добралась бы, хоть и до разворота перед Новым Арбатом лишний километр. Взглянула на часы:

– Ох ты, боже мой!

Опоздание в сорок минут было не в ее стиле. И подумалось, что это дочь, встретившись, задержала, подставила подножку. Иначе отчего так ноет ушибленная душа?

Бедолаги-музыканты наверняка еще ждут. Куда им деваться? Утром Наташа слышала по радио в машине, что Москва обошла другие столицы мира по числу симфонических оркестров, и ощутила невольную гордость за Отечество. Хотя подумала при этом, что самим музыкантам такой рекорд вряд ли в радость: конкуренция в любом деле снижает тарифы. И потому студенческий квартет из Гнесинки, который она собиралась использовать в своих мероприятиях, будет ждать еще час, если потребуется.

Об этом подумалось не с пренебрежением – с состраданием. Чувством, в общем-то, непростительным в бизнесе, но Наташа всегда делала поправку: русский бизнес имеет свои особенности. Как и национальная охота. Настоящие акулы в наших водах не приживаются... В каждой можно найти что-то человеческое, надавить на особую, не надорвавшуюся от натуги струнку...

В Наташиной душе сейчас тихонько звучала память о мальчике с третьего этажа того дома, где прошло ее детство. Он играл на виолончели... Каждый день таскал эту бандуру, как называли ее соседи, в музыкальную школу в двух кварталах. Теперь ее, кажется, уже нет там, офисные наросты сожрали... У виолончели был густой, печальный голос, от этих звуков почему-то тянуло заплакать, даже когда игрались гаммы. Видимо, он был талантлив, этот Наташин сосед, потому что обычно ученики школ играют на этом инструменте так, что мухи дохнут от тоски. А он умел извлекать музыку...

Этот мальчик был старше ее на несколько лет, и они даже не здоровались во дворе. Может, он и не замечал вовсе маленькую, белобрысую девчонку... Но и спустя тридцать с лишним лет, когда Наташа слышала виолончель, ей вспоминалось, какие у него были спокойные серые глаза. Глубокие, как та музыка, которую он любил. А имя забылось... Может, она и не знала его никогда. Взгляд и музыка – вот что было для нее главным.

Потому-то Наталье Малаховской так хотелось дать работу этим безвестным музыкантам, которых она еще не видела. Может, тот ее мальчик – из их сообщества непризнанных гениев? Без иронии, не как о муже. Если уж к Баху истинное признание пришло через двести лет после смерти... Ей действительно хотелось помочь им, раз это в ее силах. Хотя она старалась и не задумываться, не пытается ли искупить тем самым свою непризнанную вину перед мужем, которому не помогла. Не захотела помочь. В последний год Володя отчаянно искал денег на постановку, в провале которой она была уверена, как за последний шанс цеплялся. А Наташа не рискнула теми средствами, что могла бы вложить... Хотя дом уже был построен, казалось бы, можно было откликнуться. Но напрямую супруг не просил, только со страдальческим видом рассказывал вечерами о своих безуспешных попытках найти мецената в самом богатом городе мира...

Дочь тоже не просила у нее денег на издание книги. Да и сложилась ли она – эта книга? Кому она нужна? Выпустить ее и свалить тираж в подвале? Наташа сжимала зубы: чем они оба, всю жизнь палец о палец не ударившие, заслужили, чтоб она осуществляла их мечты? Они, презирающие ее работу...

А с этими музыкантами другая история, они оказались необходимы Наташе: элитные клиенты все чаще заказывали классический репертуар. Потуги казаться аристократией? Или впрямь душа начала просить? Это было не ее дело, она только выполняла пожелания клиентов. Важных для нее, потому сама и

отправилась на прослушивание, на этот раз не доверившись мальчику, который обычно подбирал музыкантов. У него Мерзляковка была за плечами, он бы с первых звуков понял, стоят ли эти ребята тех денег, которые Наташа собиралась им платить. Но ей важно было взглянуть на них глазами не профессионала, а своего потенциального заказчика.

Навстречу ей рванулось узкое, смуглое лицо, чуть косящие лисьи глаза сошлись к переносице. Черные кудри надо лбом враспырку. Семенящая походка вечной старушки, хотя встречающая была явно не старше Наташи. Какие-то жуткие туфли-калоши без каблучков...

Замерев, она ужаснулась про себя: «Неужели мне придется выпускать это на публику?!» Это остановилось в паре метров, и Наташа перевела дух, потому что уже почудился дурной запах изо рта.

– Здравствуйте, здравствуйте! Виновата – каюсь! Очень не люблю опаздывать. Вы – Лидия Владимировна, правильно?

Постаралась, чтобы это прозвучало приветливо, по крайней мере, без опаски. И тут же испытала облегчение еще большее.

– Нет-нет! Я – мама одного из мальчиков. А вы – Наталья Евгеньевна? Мне так вас и описали: шикарная блондинка.

«Это издевка? – задыхнулась Наташа. – Как будто я не знаю, что в устах этих интеллектуалов «блондинка» уже приговор!»

– Даже так? – Она постаралась улыбнуться. – И кто же, интересно, меня так описал?

«Так и думала, что у нее выпирает верхняя челюсть. А ведь хороший человек, наверное... Мать музыканта. Но этот прикус... Вот когда нижняя немного выступает вперед – это так мило. По-детски как-то...» – Наташа дала себе слово не заглядывать больше ей в рот.

– Мой Шурик на сайт вашей фирмы залез...

– Шустрый Шурик.

Лисьи глазки вдруг засветились так, что Наташе увиделось лицо своего сына.

– Он у меня хороший мальчик.

«И у меня – хороший! – стоном откликнулось внутри. – Мой благородный юный рыцарь... Разве я думала, что однажды ты отречешься от меня?»

Уже вошли в лифт, и Наташа повернулась лицом к двери, как делала всегда, чтобы хоть положением тела оградить свое личное пространство. И вдруг... Светлые завитки, насмешка в голубых глазах, плечи уже мужские, а рот детский... Она рванулась к выходу, но створки звучно сошлись перед лицом, заставили отшатнуться.

«Это был он?! Ленька? Откуда?» – Ее длинные ухоженные ногти впились в ладони. Она постаралась удержать дыхание: «Очнись, очнись. Это не он... Что ему делать в Гнесинке? Он же не музыкант... Господи, но я же видела его!»

Она постаралась убедить себя, что сын только померещился ей. Это был кто-то похожий. Преступно похожий. Расслабив пальцы, Наташа украдкой взглянула на ладони: остались вдавленные скобки. Что – в скобках?

(Маленький мой... Что с нами случилось? Почему мы перестали слышать друг друга? Я разговариваю с тобой постоянно, делюсь всеми новостями, всем смешным, что встречается за день, как было раньше. А ты не слышишь... А вдруг и ты говоришь со мной, пытаешься достучаться через Космос, но уши сдавлены тишиной, я не различаю твоего голоса?

Почему так жжет руку телефон, когда собираюсь позвонить тебе? Сотня звонков за день дается легко, но главный никак не получается сделать. Хотя ведь мысленно уже простила тебя, твое отступничество. Своими благими намерениями ты устлал мою дорогу в ад... Но я понимаю, что ты поступил как мужчина в свои семнадцать. Только это так глупо, так несовременно... Что ты будешь делать в этой глуши? Куда пойдешь учиться? Ведь сейчас уже надо поступать, выпускные балы отвальсировали... Хочешь повторить судьбу своего

отца, погрязшего в обидах на мир, укутавшегося в свою неценность? Какая незавидная судьба...)

Лифт расторопно доставил их на седьмой этаж. Наташа машинально отметила цифру, посулившую везение. Впрочем, это музыканты, наверное, молились сейчас за свою удачу: пусть эта Малаховская расчувствуется от их игры и вознаградит работой. Ее застарелый комплекс опять дал о себе знать: «Я хоть смогу оценить то, как они исполняют? Что я соображаю в этом со своим дипломом «кулька»?»

– Струнники на этом этаже.

– Замечательно, – откликнулась Наташа. – Им вообще здорово повезло в жизни, верно? Учиться в Гнесинке – об этом тысячи музыкантов мечтают.

Быстро оглядевшись, сопровождающая шепнула:

– А они называют ее «шарагой».

Наташа воздела глаза к потолку, подразумевая небо:

– Пацаны! Не ценят того, что у них есть...

И с любопытством огляделась: вокруг стайки студентов, на вид обычных ребят, обрывки анекдотов долетают, воздух густеет от сленга. Но девочки у окна вдруг начали напевать, что-то доказывая друг другу:

– Да ты неправильно интонируешь!

Наташа улыбнулась. Теперь, когда дочь окончила университет, уже не доводилось окунаться в атмосферу студенчества, которой ей самой и не довелось надышаться. Сколько раз собиралась поступить в институт, получить наконец высшее образование, но дети появились рано, по нынешним меркам даже слишком, а надежда на то, что Володя сможет прокормить их всех, не возникала вовсе. Конечно, с ее работой не постареешь, вся жизнь – как подготовка к «Студенческой весне», но настоящего братства однокашников, с

котормы хотелось бы встречаться и переписываться на сайте, в Наташиной жизни не случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lavryashina_yuliya/dochki-materi-na-vyzhivanie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)